

A movie poster for 'Opalnyi Kapitani' (Opal Captain). The background is a space station interior with a large circular window. Through the window, the Earth is visible, along with two moons and a starry sky. In the foreground, a woman with short dark hair (Olga Kuno) is shown in profile, looking down. Next to her, a man with short dark hair and a beard is shown from the chest up, looking out the window. Both are wearing dark, rugged jackets. The overall color palette is dominated by blues and greys, with the bright colors of the Earth and moons providing contrast.

Ольга Куно

ОПАЛЬНЫЙ КАПИТАН

СПАСТИ НОВУЮ ЗЕМЛЮ

Ольга Куно
Опальный капитан.
Спасти Новую Землю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73283318

SelfPub; 2026

Аннотация

Патрульный звездолет «Галалэнд» готов к вылету. Пилот просчитывает курс, бортовой врач отпускает ехидные шуточки – все идет своим чередом. Но капитана корабля внезапно арестовывают: Рейер Макнэлл обвиняется в убийстве собственной жены... Но так ли все просто, как кажется на первый взгляд? Быть может, преступление – лишь верхушка айсберга?

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Взаперти	20
Глава 1	21
Глава 2	46
Глава 3	68
Глава 4	90
Глава 5	107
Глава 6	127
Глава 7	148
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Ольга Куно
Опальный капитан.
Спасти Новую Землю

Пролог

За три часа до вылета из космопорта приписки патрульный космолёт ВБС¹ чрезвычайно напоминал муравейник. Все пребывали здесь в постоянном движении, и невзирая на то, что движение это казалось со стороны беспорядочным, в действительности каждый член экипажа и работник космопорта в точности знал свою цель. Грузчики переправляли последние контейнеры с провиантом, предметами первой необходимости и техническим оборудованием; механики скрупулёзно проверяли готовность корабля к полёту и надёжность каждого винта; радисты надоедали своим стационарным коллегам вызовами по всем существующим каналам, а системные администраторы... ну, они были погружены в мир компьютеров, как и всегда. Старпом, пытавшийся уследить за всем этим одновременно, ненадолго возвратился на капитанский мостик, дабы выпить пару глотков кофе, а заодно выяснить, как идут дела у работающих там специалистов.

Вопреки названию, капитанский мостик не имел ничего общего с мостом, да и предназначен был, мягко говоря, не для одного капитана. Это был просторный круглый отсек с двумя дверьми, где занимали свои места полторы дюжины

---

¹ ВБС – военно-безвоздушные силы

членов экипажа, ответственных за разные сферы патрульной службы. В данный момент не все ещё успели подняться на борт, а некоторые были заняты размещением в личных каютах. Томас Дебург, старший помощник, направился ко второму пилоту (не характерно ли, что тот прибыл на службу раньше, чем первый?) и главному системщику.

– Кофе? – сразу же предложил последний, вынырнув из глубин мало понятной Дебургу голограммы.

Каким-то непостижимым образом этот парень умудрялся, пребывая в дебрях своего компьютерного мира, одновременно отслеживать краем глаза всё, что происходило на корабле.

– Не помешает, – буркнул старпом, и системщик с понимающей ухмылкой активировал с десятков сенсоров виртуальной клавиатуры, посылая заказ кофеварочной машине.

Вот, спрашивается, зачем это делать, когда до самой машины достаточно пройти всего три шага? Но у представителей каждой профессии свои причуды.

– Капитан ещё не появлялся? – спросил Дебург, плюхаясь в крутящееся рабочее кресло с удобной спинкой.

– Вроде бы нет, – на миг поднял глаза от экрана проводивший расчёты пилот.

– Понятно.

Старпом вздохнул. Рейер Макнэлл, капитан «Галалэнда», не считал необходимым прибывать на звездолёт раньше прочих членов экипажа, но зато с момента вылета полностью посвящал себя работе. Тут следовало отдать ему должное. Тем

не менее, Дебург предпочёл бы видеть со стороны начальства более традиционный подход к работе. Впрочем, стоит ли обманывать самого себя? Просто ему в свои сорок пять тяжело порой смотреть на тридцатилетнего капитана, сумевшего достичь карьерных высот, которые для самого старпома, скорее всего, так и останутся не более чем мечтами. Отсюда и повышенная склонность к критике.

– Вот и он, лёгок на помине! – вырвал Дебурга из размышлений пилот, расплывшийся в радостной улыбке.

И правда, через послушно отъехавшую в сторону дверь в помещение бодрым шагом вошёл Макнэлл.

– Капитан на мостике! – возвестил радист, наклонившись к микрофону, после чего вновь отключил громкую связь.

– Всем мирного неба!

Капитан воспользовался традиционным для космофлота приветствием.

– Мирного неба! – стройным хором откликнулся экипаж.

– Представить вам подробный отчёт, сэр? – спросил, поднявшись, Дебург.

– Позже. – Капитан пожал ему руку и, дав знак садиться, опустился в собственное кресло. – Есть что-нибудь, требующее моего срочного вмешательства?

– Нет. – Старпом снова позволил себе немного расслабиться. – Пока всё в рамках нормы.

– Ни секунды в этом не сомневался. Иначе не застал бы вас здесь, – весело подмигнул Макнэлл. И, повернувшись

вместе с креслом ко второму пилоту, спросил: – Курс проложил, Джереми?

Должность штурмана на подобных кораблях давно уже упразднили, объединив её с обязанностями пилота. К излишней загруженности это не приводило, поскольку основную работу выполнял бортовой компьютер. От человека же главным образом требовалась проверка результатов, утверждение окончательной программы и, в случае необходимости, принятие нестандартных решений.

– Так точно, сэр! – отрапортовал юный специалист. – Но есть вопрос.

– Давай.

Джереми пробежал пальцами по сенсорному экрану, и в воздухе возникли два голографических изображения – карты звёздного неба с пунктирными линиями, обозначающими предполагаемые маршруты.

– Первый вариант, – пилот указал на левую голограмму, ту, что была ближе к капитану, – пятьдесят четыре часа. Второй, – его указательный палец устремился к правой, – шестьдесят три. Но здесь, – он снова повернулся к первому изображению и обозначил зелёным ар-лучом нужный сектор, – зона повышенного скопления астероидов. Вероятнее всего, пройдем без потерь, но небольшой риск есть.

– Вывод? – подняв на него прищуренный взгляд, поинтересовался Макнэлл.

– Рекомендую второй маршрут.

– И потерю девяти часов времени, а заодно и топлива?
Юноша сомневался всего пару мгновений.

– Так точно.

– Молодец, – удовлетворённо кивнул Макнэлл. – В данном случае риск не оправдан. Вводи второй курс.

– Капитан, вы уже решили, каким будет порядок посещений? – осведомился старпом.

– Думаю, да, – сосредоточенно кивнул тот. – Поскольку первый пункт, Тодорос, расположен в системе Зед-4, следующей посетим планету Манкор.

– Её нет в списке главуправления, – с удивлением заметил Дебург.

В компьютер даже не заглянул, стало быть, весь список рекомендованных к посещению планет выучил назубок.

– Нет, – подтвердил капитан, не менее внимательно ознакомившийся со списком. – Но я хочу кое-что там проверить.

– А как оформим цель прибытия? – нахмурился старпом.

– Визит доброй воли, – подмигнул Макнэлл.

Автоматическая дверь снова отъехала в сторону, впуская на мостик брюнета лет сорока, светло-серая форма которого ничем не отличалась от той, что носили остальные, за исключением вышитого на левом плече красного креста. Короткий белый шрам, тянувшийся к виску почти от самого уголка глаза, не портил импозантную внешность бортового врача, скорее придавая ему шарма.

– О, привет, док! – первым сориентировался, казалось бы,

не отрывавшийся от экрана системщик.

– Привет, пациенты! – бодро откликнулся Брэндан Уолкс, усаживаясь в кресло дежурного аналитика, благо оно по-прежнему оставалось свободным. – Ну, кто первый ко мне на приём?

Пара ответных смешков не поколебали рабочего настроения врача, который продолжал хищно оглядывать присутствующих с твёрдым намерением избрать среди них жертву медицинского произвола.

– Брэн, вообще-то мы все прошли медкомиссию перед полётом, – с ухмылкой напомнил об очевидном Макнэлл. – Подожди хоть немного, чтобы кто-нибудь из нас успел заболеть.

– Да толку? Дождёшься от вас, пожалуй! – проворчал доктор. – Космос, патрульный корабль ВВС! Все здоровы, аки миенжские шестилапые пони. И, как назло, даже от открытой форточки никто не простудится. Но всё это – вопрос физиологии. А вот с психическим здоровьем дела, слава богу, обстоят куда хуже!

И он предвкушающе потёр руки.

– С чего бы это? – хмыкнул капитан.

– Я тебя умоляю! Регулярно скакать от планеты к планете, целенаправленно выискивая проблемы на ту часть организма, которую отдельные медики приучены деликатно именовать мягким местом? Да во флоте нет ни одного психически здорового человека! Итак, кто первый ко мне на приём?

– Бортовой врач, как и все мы, пребывает в состоянии воз-

буждения в ожидании взлёта, – добродушно пояснил Макнэлл, обращаясь к недоумевающему космометеорологу, новичку на «Галалэнде». – Это проявляется в повышенной жажде деятельности.

– Док, могу я полюбопытствовать? – подал голос системщик, пальцы которого не переставали скользить по виртуальной клавиатуре. – Откуда такой интерес к нашей скромной психике, когда ваша основная специализация – лазерная хирургия?

– Опять лазил по чужим личным делам? – для порядка возмутился капитан, впрочем, давно уже смирившийся с этой привычкой своего подчинённого и махнувший на неё рукой.

– Что ты понимаешь в медицине, неуч? – не замедлил с ответом Уолкс. – Ещё наши далёкие предки справедливо заметили, что все болезни, за одним-единственным исключением, – от нервов. Так что кто не разбирается в человеческой психике, тот не врач. Итак? Неужели нет желающих доверить свою жизнь моим умелым рукам? В медотсек как раз доставили новый набор шприцов. Игла любой длины и толщины на ваш выбор.

– Ты умеешь уговаривать! – покачал головой Макнэлл.

– Жаль, – вздохнул врач. – Значит, мне придётся скучать до тех пор, пока кого-нибудь из вас не ранят в очередной дурацкой перестрелке на очередной богом забытой планете.

– Ждёшь этого момента?

– Сгораю от нетерпения.

На время мостик погрузился в условную, рабочую, тишину, наполненную щёлканьем рычагов, монотонным гудением приборов и шорохом переезжающих с места на место кресел.

– Господин капитан, как вы провели отпуск? – поинтересовался Джереми, заметив, что Макнэлл отодвинулся от своего монитора, явно довольный просмотренной информацией. – Погода на Северном континенте хорошая?

– Отличная, – с чувством протянул капитан. – Собачий холод. Всю неделю катались с женой на лыжах.

– Здорово, – с завистью выдохнул пилот.

– Ты хотел бы об этом поговорить? – тут же оживился врач.

– Отпуск с женой – это скучно, – внёс свою лепту в разговор системщик.

– Ничего подобного, – возразил старпом.

– Линда и так не слишком довольна тем, что меня по многу недель не бывает дома, – признался Макнэлл. – Так что совместный отпуск – это тот минимум, который я ей должен.

– Ты хотел бы поговорить об этом?

Оглушительно громкий сигнал вызова прокатился по мостику, заставив пару человек инстинктивно зажать уши. Словно кто-то врубил сирену тревоги, но быстро отключил, своевременно сообразив о её неуместности.

– Они что, совсем с ума посходили в приборно-агрегатном отсеке? – возмутился радист, правильно определив источник

вызова. – Красный сигнал, степень срочности А1. Да мы ещё даже не взлетели! Не могли сообщение по компу прислать? Капитан, сказать им, чтобы шли лесом?

– Переведи на мой компьютер и подключай, – разом серьёзнев, приказал Макнэлл.

Когда капитан «Галалэнда» говорил таким вот безапелляционным тоном, перечить не решался никто. Радист выполнил приказ, и через несколько секунд взволнованный голос одного из техников уже вещал по громкой связи:

– Господин капитан, на корабле ЧП. На борт взошли четверо континентальных полицейских, утверждают, что из убойного отдела. Идут к вам на мостик. На вопросы отвечать отказываются, сообщать вам о прибытии запретили. Вооружены. Совсем скоро будут у вас.

– Благодарю за информацию.

Макнэлл щёлкнул крошечным рычажком как раз вовремя, чтобы разговор не достиг ушей входивших в помещение представителей правопорядка. Если, конечно, они действительно таковыми являлись, поскольку столь беспардонное вторжение в святая святых патрульного судна выходило за рамки обыденного.

– Континентальная полицейская служба, южный округ, убойный отдел. Лейтенант Грогг, – представился офицер, вошедший первым.

Он мало чем отличался от своих сослуживцев: все они обладали похожим крепким телосложением, короткими

стрижками и идентичной формой, если не считать свидетельствовавших о ранге нашивках.

– Капитан Макнэлл. Чем могу быть полезен?

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов.

– Например?

Брови капитана взметнулись вверх, но в остальном он сохранял завидное спокойствие. Невзирая на то, что ни самоуверенное поведение полицейских на корабле, ни слова лейтенанта, ни избранный последним тон общения не сулили ровным счётом ничего хорошего.

– Например, когда вы в последний раз ездили по адресу Восточная семнадцатая улица, дом 21, корпус 3, и с какой целью?

– Никогда там не бывал, – отчеканил капитан.

– Вот как? В таком случае не подскажите, где вы были сегодня в половине двенадцатого?

Макнэлл устремил взгляд в правый верхний угол экрана, где фигурировало время 13:55.

– В Тиновом парке.

– Теневом парке? – хмурясь, переспросил один из полицейских, явно впервые услышавший произнесённое капитаном словосочетание.

– Тиновом, – поправил его лейтенант. – Назван так из-за давно осушенных на том месте болот. Малолюдное местечко, – заметил он, снова обращаясь к Макнэллу. – Что вы там делали?

– Думал, – флегматично ответил тот. – И созерцал.

– Что, простите? – снова влез с уточнениями второй полицейский.

– Думал, – насмешливо повторил Макнэлл. – Невредное, знаете ли, занятие.

– Я бы на вашем месте не ёрничал, – одёрнул его лейтенант. – Вы сейчас не в том положении. Есть кто-нибудь, кто видел вас в этом парке и может подтвердить ваши слова?

– Вряд ли, – честно ответил капитан, предвидевший такой вопрос. – Как вы изволили справедливо заметить, парк немногочислен.

– И всё-таки, зачем вы туда отправились именно сегодня, всего за несколько часов до вылета вашего корабля? – настаивал Грогг.

– Я часто хожу туда как раз перед вылетом на продолжительные задания. Чтобы приобщиться к природе планеты, которую мне предстоит надолго покинуть.

Быть может, прояви капитан при этом признании смущение, полицейские были бы более склонны принять его слова на веру. Но Макнэлл был абсолютно уверен в себе, и в данном случае это не играло ему на руку.

– Моя жена может это подтвердить, – добавил он на более доступном континентальной полиции языке.

– Не может, – жёстко возразил лейтенант. – Ваша жена, Линда Макнэлл, была убита сегодня в 11:25 на Восточной семнадцатой улице около магазина головных уборов, из ко-

торого как раз выходила. Магазин расположен в третьем корпусе двадцать первого дома.

Капитан застыл с каменным лицом, на котором резко проступили незаметные ещё недавно морщины. Руки сжались в кулаки, но ногти ещё не врезались в ладони: вся энергия уходила пока не на физическое напряжение, а на осмысление услышанного.

– Как она умерла?

Голос прозвучал глухо, будто говорили с той стороны автоматической двери.

– Убита выстрелом из эксплоудера, – пристально следя за реакцией Макнэлла, сообщил лейтенант. – Как и обычно в таких случаях, взрыв практически уничтожил тело. Однако установить личность погибшей по анализу ДНК всё-таки удалось. Кстати, у вас ведь в силу профессии есть доступ к этому виду оружия?

– В силу профессии нам крайне редко приходится прибегать к подобным мерам, – отрезал капитан.

– Однако возможность такая имеется, – сделал собственный вывод Грогг. И, что-то мысленно для себя решив, объявил: – Рейер Макнэлл, вы арестованы по обвинению в убийстве вашей жены. – Полицейский развернул к капитану светящийся экран карманного компьютера, на котором было открыто предписание с электронной подписью прокурора. – Ваши права вам зачитают в полицейском участке.

Макнэлл медленно поднял голову и устремил на лейте-

нанта тяжёлый взгляд, который выбил бы из колеи любого из его подчинённых. Но никак не выдавшего вида полицейского.

– На каком основании?

Джереми медленно повернул голову к своему компьютеру. Если незаметно набрать всего несколько символов, люк «Галалэнда» закроется и будет загерметизирован. Ещё пара нажатий, рывком опустить рычаг – и, оторвавшись от земли, они устремятся в открытый космос. Топлива на корабле достаточно, припасов тоже, основная часть экипажа на борту. Конечно, есть риск случайных жертв среди тех, кто находится сейчас снаружи... И полицейские могут начать стрельбу, но вряд ли они станут это делать: поймут, что сила теперь не на их стороне.

– Второй пилот! – резко оборвал его мысли голос Макнэлла. – Подойдите ко мне.

Под пронзительным взглядом капитана Джереми поднялся с кресла и подчинился.

– Садитесь сюда и просмотрите последние сообщения космометеорологов, – бросил Макнэлл.

Отдав этот совершенно бессмысленный, казалось бы, приказ, заставивший Джереми отказаться от своего геройского замысла, капитан вновь обратился к полицейским.

– Итак, на каком основании меня обвиняют в убийстве жены?

– Преступник выбросил оружие неподалёку от места пре-

ступления, – сообщил лейтенант.

– И что? Неужели на эксплоудере остались мои отпечатки пальцев? – саркастично «поразился» Макнэлл.

– Отпечатков нет, – спокойно ответил полицейский. – Убийца действовал в перчатках. И тем не менее обнаружить следы его ДНК на оружии удалось. Вашего ДНК, если быть точным. Кроме того, на ветке дерева, за которым, предположительно, убийца прятался, поджидая жертву, сохранилась капля крови. Совсем крошечная. Должно быть, преступник и не заметил царапины. Но современные технологии позволяют нам отлично отслеживать подобные вещи. Мне ведь не надо уточнять, чья это кровь? Кстати, а что у вас за царапина на лице?

Макнэлл сперва смотрел непонимающе, затем поднёс руку к левой скуле. След действительно был, настолько незначительный, что вряд ли кто-нибудь обратил бы на него внимание при иных обстоятельствах. Но сейчас взгляды всех, кто находился на мостике, скрестились на этой тончайшей красной полоске.

– Поранились, когда брились? – услужливо подсказал лейтенант.

– Нет, когда перевешивал в гостиной полку, – не оценил юмора Макнэлл.

– Кто-нибудь может это подтвердить?

Лицо капитана вновь приобрело каменное выражение.

– Уже никто.

Полицейский кивнул.

– Прошу вас пройти с нами.

– Мне полагается адвокат.

– Вы позвоните ему, когда прибудем на место. Хотя учитывая обстоятельства, сомневаюсь, что вам это поможет.

– Джереми! – всё ещё не отрывая взгляда от лейтенанта и не поднимаясь с места, громко произнёс Макнэлл. – Придерживайся заданного курса. Дейл! Проследите за последней стадией приёма груза. Старпом будет занят другими вещами. Томас! Принимайте командование. Предварительный план полёта вам известен. Придерживайтесь его в отсутствии других указаний из центра патрульной службы. Вы назначаетесь исполняющим обязанности капитана до моего возвращения на корабль...или до прибытия нового капитана.

Раздав свои последние указания, он поднялся на ноги, окинул взглядом мостик и, ни слова не говоря, устремился на выход, сопровождаемый четырьмя полицейскими. Остальные члены экипажа продолжали шокированно смотреть им вслед даже после того, как сенсорная дверь окончательно задвинулась за облачёнными в форму спинами.

Если патрульному звездолёту «Галалэнд» и предстояло продвигаться по заданному при Рейере Макнэлле курсу, то никак не в этот день. В связи с непредвиденными обстоятельствами взлёт корабля был отложен на неопределённый срок.

Часть 1. Взаперти

Глава 1

Флаербус медленно, но верно приближался к нужной мне остановке, то и дело обгоняемый частными двухместными машинами, хозяева которых предпочитали ручное управление услугам автопилота. Проблема последнего заключалась в том, что он ни при каких обстоятельствах не соглашался нарушать правила – в том числе, превышать максимальную разрешённую скорость. Не всех водителей это устраивало.

Но у внутрепланетарного общественного транспорта иных вариантов, кроме автоматического пилотирования, к счастью, не наблюдалось, разве что в экстренных аварийных ситуациях, когда дистанционное управление принимал на себя дежурный диспетчер. Поэтому мы двигались чинно, мирно и спокойно, без каких-либо происшествий. Каждый пассажир по-своему распорядился тратившимся на дорогу временем. Молодой парень с пышной копной кудрявых волос что-то увлечённо читал с экрана своих многофункциональных часов. Двое подростков играли в трёхмерный тетрис, тыча пальцами в зависшую перед ними голограмму и громко ругаясь всякий раз, когда промахивались мимо нужной фигуры. Девочка лет восьми расположилась, прильнув к овальному окну, и рассматривала мелькающие внизу крыши высоток. Её мать, тоже мало интересовавшаяся гаджетами, время от времени устремляла напряжённый взгляд на

крепившийся к переднему сидению экран, где сменяли друг друга всевозможные малоосмысленные ролики. В сторону окна она даже не поворачивалась.

– Уважаемые пассажиры, – заговорил приятным женским голосом компьютер, точно рассчитавший оставшееся до пункта назначения время, – через две минуты мы прибудем на остановку «Рулевая башня». Остановка расположена на уровне семнадцатого этажа. Если вы намереваетесь пересесть на флаербус номер 416, 423 или 518, пожалуйста, подождите, его прибытия за чертой безопасности. Если вы намереваетесь пересесть на монорельс, спуститесь при помощи лифта на двенадцатый этаж. Удостоверьтесь в том, что не забыли свои личные вещи в кабине флаербуса. Желаем вам хорошего дня.

Те, кто собирался сходить на ближайшей остановке, потихоньку потянулись к двери. В том числе и я.

Посадочная площадка выдвинулась из стены здания, принимая наш транспорт. Пассажиры направились к трём лифтам, располагавшимся на огороженной от ветра территории. Два – с прозрачными стенками, один – с матовыми, для людей, страдающих страхом высоты. Таким в наше время приходится нелегко, что в данный момент наглядно демонстрировала мать восьмилетней девочки. Её лицо было белым, как мел, а в левом глазу, похоже, от напряжения лопнул сосуд.

– Не понимаю, почему остановка флаербуса должна располагаться на семнадцатом этаже! – возмущённо проворчала

она, чуть шатающейся походкой направившись к матовому лифту. Девочка спокойно следовала за ней: недуг матери ребёнка явно не передался. – И вообще, почему внутригородской общественный транспорт должен летать так высоко!

– Так безопаснее, – беззлобно объяснил пожилой мужчина в куртке с высоко поднятым воротником. Застёгнутая электронная молния переливалась всеми цветами радуги. Кажется, это считалось пискom моды лет тридцать назад. По-видимому, мужчина сохранил приверженность к некоторым юношеским слабостям.

– Безопаснее? – воззрилась на него женщина.

Нажав кнопку вызова, она отчётливо произнесла в специально предназначенный для этого микрофон:

– Первый.

На панели высветилась цифра «1».

– Двенадцатый, – сказал мужчина в куртке, и компьютер отметил номер очередного «заказанного» этажа.

Мне нужен был первый, поэтому я промолчал.

– Конечно, безопаснее, – мягко подтвердил седовласый обладатель многоцветной молнии. – Нет риска врезаться в мост, дерево или дом, не считая, конечно, вот таких башен. Одно время флаеры летали на уровне пятого этажа, и это было признано опасным. А до того они и вовсе ездили прямо по земле, только назывались по-другому, как именно, не припомню.

– По земле... – со смесью тоски и восторга в голосе про-

тянула женщина. – И чем это кому-то не угодило?!

– Очень много несчастных случаев, – развёл руками мужчина. – Такие наземные флаеры сбивали людей, ну и, само собой, животных.

– Ужас какой! – Пассажирка поднесла руку к горлу и повернула голову к дочке, должно быть, побоявшись, что подобная информация может травмировать психику восьмилетнего ребёнка. Цепкая хватка фобии отпустила женщину в достаточной степени, чтобы она была в состоянии беспокоиться не только о собственном самочувствии.

– Поэтому, как видите, в воздушных флаерах есть свои несомненные преимущества, – подытожил мужчина. – Но и недостатки тоже имеются.

Он сочувственно поглядел на всё ещё бледную пассажирку.

В этот момент распахнулась дверь одного из прозрачных лифтов, и я шагнул туда вместе с большинством пассажиров. Мать с дочкой остались дожидаться матового, и седой мужчина задержался вместе с ними, видимо, за компанию. Вряд ли сам он страдал страхом высоты.

Спускаясь с семнадцатого этажа на двенадцатый, а затем с двенадцатого на первый (иные уровни никого из моих случайных спутников не интересовали), я молча смотрел на приближающуюся землю и увеличивающиеся в размерах дома. Высота меня не пугала, тревожило другое. То, что дожидалось на вполне надёжной земле.

Двери автоматически разъехались, и я одним из последних вышел наружу. В лицо дохнул свежий ветер, слишком холодный, чтобы это оказалось приятным. Прав был пожилой мужчина, что поднял воротник. Кутаясь в куртку, я неспешно зашагал по улице. Маршрут не был знакомым, но светящаяся зелёная стрелка на часах указывала дорогу. Планетарный навигатор не умел ошибаться.

Я шёл по коротко подстриженной зелёной траве, иногда подковыривая носками ботинок красные и фиолетовые листья. Справа ехала, тихо шурша, чёрная лента автоматической дорожки, но я умышленно её игнорировал, давая работу ногам и время на размышления мозгу. Мысли, впрочем, были всё больше малоприятные, так что в итоге я оставил эту затею и просто тупо шагал в направлении, задаваемом стрелкой.

Вскоре она стала не нужна. Впереди темнел массивный уныло-серый забор, над которым на равных расстояниях возвышались такие же массивные башни с конусообразными крышами. Дальше стала видна табличка с крупной надписью «Городская тюрьма номер 34». Звучит достаточно пугающе. Сразу хочется спросить «Это сколько же в городе тюрем?!». К счастью, мне уже успели объяснить, что первая цифра обозначает вид тюрьмы, и только вторая – собственно её номер. Вот только по каким именно признакам тюрьма классифицируется как «тройка», уточнить забыли. Или не сочли нужным.

Ворота были уже совсем рядом. Навигатор не обманул, хотя дорога заняла на четыре минуты больше, чем он изначально предположил, наивно рассчитав, будто я воспользуюсь самодвижущейся дорожкой. Лёгким щелчком сообщив часам, что место назначения достигнуто, я продолжил оттягивать момент нажатия на чёрную кнопку, расположенную рядом с устройством громкой связи. Приложив палец к круглой пластине на куртке, извлёк из расстёгнутого таким образом внутреннего кармана пачку сигарет. Закурил и постоял, отмечая расфокусированным взглядом подхватываемую ветром струйку дыма.

Затушил сигарету, когда до конца оставалось не меньше половины. На данном этапе она уже ни черта не успокаивала, а, значит, какой смысл гробить себе здоровье? Подошёл к воротам и решительно надавил на чёрную кнопку.

– Кто? – лаконично поинтересовался через громкую связь бесцветный мужской голос.

– Сэм Логсон.

Я приложил большой палец к круглой панели удостоверения личности. Сейчас охранник, без сомнения, смотрел на монитор своего компьютера, получая всю положенную ему по статусу информацию касательно моей скромной персоны.

– Цель посещения?

«Пожизненное заключение». Обстоятельства отчего-то настраивали на сарказм, но я решил не рисковать: вдруг охранники чувства юмора начисто лишены и воспримут моё

заявление всерьёз?

– Прибыл на практику. В рамках Планетарной службы.

– Проходи.

Я отчего-то ожидал, что раздастся щелчок, но дверь совершенно беззвучно отъехала в сторону, чтобы моментально задвинуться обратно, стоило мне войти в полумрак коридора.

Когда-то все мужчины нашей планеты, Новой Земли, достигнув совершеннолетнего возраста, каковым здесь считались 24 года, призывались в армию. Сначала это являлось необходимостью: мы пребывали в состоянии войны с двумя другими человеческими планетами. Потом последовал худой мир, постепенно превратившийся в мир стандартный. С другими видами гуманоидов нам нечего было делить, а с принципиально иными расами вооружённых конфликтов и вовсе никогда в истории не бывало.

Так что многочисленная армия стала не нужна. Срочная служба сменилась профессиональными войсками, задачи которых сводились к патрулированию границ, визитам доброй воли, оказанию гуманитарной помощи, содействию полиции и тому подобному. Мужчин, не посвящающих свою жизнь подобным занятиям, казалось, настало время отпустить с миром, но не тут-то было. Вместо этого на Новой Земле была основана так называемая Планетарная служба, обязывавшая каждого, кто освобождён от армии, отдавать гражданский долг родине в течение двух лет по несколько часов в

неделю. Якобы для того, чтобы поддерживать среди населения дух патриотизма, а в действительности – ради получения бесплатной рабочей силы.

Суть такой «отдачи гражданского долга» могла сводиться к чему угодно, в зависимости от способностей, профессии или сферы обучения ПС-ника (как называли обычно мужчин, проходивших Планетарную службу). От помощи в больницах до программирования, от таскания грузов в космопорту до работы с пробирками в какой-нибудь захудалой лаборатории. А поскольку я учился в университете на кафедре теоретической астрономии, вариантов в моём случае было немного. Раз специальность – теоретическая, подходила она главным образом для преподавания.

Ладно, уроки, так уроки. Не могу сказать, чтобы с детства мечтал быть учителем, да и перспектива потратить на бесплатную работу около пятисот часов своей жизни особо не радовала. Но делать нечего, и в целом с такой данностью я смирился. Вот только всё это время был убеждён, что речь пойдёт о преподавании в школе, субсидированных курсах для пенсионеров или, на худой конец, полу-уроков, полу-игр с воспитанниками детских садов. И вот чего я не подозревал никак, так это что меня направят по распределению ни больше, ни меньше в городскую тюрьму! Повышать образование стремящихся к этому заключённым.

Один мужчина в зелёной форме тюремной охраны встретил меня у входа. Другой сидел в крохотной комнатухе и

помахал мне рукой, оторвав взгляд от крупного монитора.

– Молодец, парень! – похвалил он, вытянув вверх большой палец. – В тебе есть стержень. Всего полсигареты! Многие, кто в первый раз приходит сюда на работу, сначала выкуривают по две.

Криво усмехнувшись сомнительному комплименту, я последовал за вторым охранником.

Обыкновенные потёртые ступени, гулкий коридор, никаких лифтов или самодвижущихся дорожек. Можно было подумать, что зданию триста-четырееста лет, но впечатление портили вездесущие глазки крохотных камер слежения. Да и дверь в кабинет замдиректора тюрьмы по кадровым вопросам (отдел кадров в тюрьме, вот ведь чёрный юмор!) открывалась автоматически. Внутри я вошёл один, сопровождающий, надо полагать, остался караулить снаружи. Хотя, может, и вернулся на свой изначальный пост, кто его знает?

Новое начальство со стула при моём появлении не поднялось, но в остальном вело себя вполне дружелюбно.

– Сэм Логсон, значит, – протянул, растягивая слова, пятидесятилетний мужичок с усами, переводя взгляд с меня на монитор и обратно. – Все файлы на тебя получили.

Он прищурился, видимо, сверяя лицо с фотографией, а у меня, как и всегда в подобных случаях, на миг сжало сердце. «Привычно сжало сердце», вот ведь оборот!

– Двадцать четыре года.

Я утвердительно кивнул.

– Уроженец Новой Земли, к нам переехали в возрасте восьми лет с Северного континента. Эх, красивые места... – Начальник аж прикрыл глаза, такое удовольствие доставили ему воспоминания. – Но вернёмся к делу. По происхождению вы пратонец?

Снова кивок с моей стороны.

– Единственный ребёнок?

– Да.

– Вашим родителям повезло, что у них родился мальчик, – посерьёзнев, отметил зам.

Не вполне уместное замечание для представителя власти. Неожиданное даже.

Я склонил голову, не желая развивать разговор на данную тему даже простым «да» или «нет». К счастью, начальник на этом и не настаивал.

– Итак, вы изучаете теоретическую астрономию. С практической специализацией пока не определились?

Я мотнул головой.

– Ничего, ещё успеете. Общепланетраное руководство тюрем, – перешёл к сути зам, – приняло решение расширить программу обучения заключённых, предоставив им максимально возможный спектр курсов. Этой программе придаётся большое общественное значение. Аттестация у вас хорошая, личное дело чистое, никаких нарушений. – На этом месте я мысленно усмехнулся, но на лице не дрогнул ни единый мускул. – Так что можете приступать к работе прямо с

завтрашнего дня.

Вот радость-то!

– В связи с учёбой я смогу начинать не раньше четырёх часов.

– Разумеется. Занятия, назначающиеся через ПС, как правило, проводятся во второй половине дня. Что вы скажете насчёт вторника и четверга?

– Вполне, – кивнул я, радуясь, что меня не пытаются утянуть сюда ещё и на третий день в неделю.

– Отлично. – Замдиректора ввёл в свой компьютер какую-то информацию, вероятнее всего, то, что было связано с нашими сегодняшними решениями. – Завтра как раз вторник. Приходите к четырём. Немного освоитесь и сразу попробуйте дать первый урок. Посмотрим, как он пройдёт. А дальше, в зависимости от этого, определимся с окончательной нагрузкой на ближайший квартал.

Вот так и случилось, что на следующий день я снова оказался в тюрьме, в очередном крошечном служебном помещении, где двое местных работников консультировали меня перед первым уроком, а также занимались приведением моей персоны в должный внешний вид. На меня уже водрузили зелёный жилет с круглым символом на левом плече, придав таким образом сходства с тюремщиками. Не иначе, чтобы ученички прониклись ко мне особенно тёплыми чувствами. Поверх жилета застегнули пояс, на пряжке которого ре-

гулярно помигивала красная точка.

Ужасно хотелось полюбопытствовать, насколько всё это вообще безопасно, но я пока старался от этого вопроса воздерживаться. Вроде как не по-мужски это – беспокоиться о подобных вещах. Вместо этого я просто пошутил:

– Пояс смертника?

– Пояс живчика, – хохотнул в ответ Раджер, один из представленных ко мне тюремщиков. – Даже не сомневайся: так оно и есть, – продолжил он, щёлкнув по пряжке ногтем и отступив в сторонку, чтобы посмотреть на результат своих действий.

Лично я никакого результата не видел, если не считать того факта, что огонёк мигать перестал.

– ОСП, облегчённое силовое поле, – объяснил затем охранник. – Совершенно невидимое, но броня неплохая. – Он вытянул вперёд руку и, к моему изумлению, в паре сантиметров от моего носа она остановилась, будто наткнувшись на что-то прочное. – Рукой его не пробить, ножом тоже.

– А если стрелять из бластера? – полюбопытствовал я.

– Да откуда же у узников возьмётся бластер?! – пожурил меня за недалёковидность второй «ассистент», имени которого я не запомнил.

Из этого утверждения я заключил, что ножи у уголовников откуда-то взяться вполне себе могли, и оптимизма мне этот вывод, признаюсь, не добавил.

– Сэм, ничего, что я так, на «ты»?

Я ответил Раджеру кивком.

– Тебе надо понять одну вещь. Заключённые – это не какие-нибудь кровожадные инопланетяне, которых хлебом не корми, дай только кого-нибудь убить или покалечить. У них неплохие условия жизни, как-никак тюрьма третьего уровня. От трёх до шести человек в камере, у каждого кровать и створка шкафа, два рабочих стола, телевизор. Пусть даже допотопный и подключён далеко не ко всем каналам. А такие уроки – это для них разнообразие, которое, поверь, начинаешь невероятно ценить, просидев здесь пару месяцев, не говоря уже о годах. Плюс возможность почувствовать, что движешься в правильном направлении. Делаешь что-то, что может пригодиться тебе потом, на выходе. Так что меры безопасности мы, конечно, принять обязаны, но, можешь мне поверить, они сами заинтересованы в том, чтобы занятия проходили как надо.

– А если взять учителя в заложники и таким образом выбраться на свободу?

Я задал этот вопрос, движимый не столько даже опасениями (которые, как ни странно, уже отступили на второй план), сколько любопытством.

Раджер откровенно скривился, его коллега только хмыкнул.

– Совершенно нереально, – заверил мой здешний наставник. – Даже если сумеют выйти из комнаты обучения, дальше надо проделать серьёзный путь. А у нас везде камеры на-

блюдения, и коридоры сходятся и расходятся в самых неожиданных точках. Может свет погаснуть, может вода с потолка потечь, может ступенька под ногой обломиться. И с какой стороны появится группа захвата, беглец до последнего даже не заподозрит. Одним словом, подробности тебе ни к чему, – поспешил закруглиться он под укоризненным взглядом коллеги, как видно, считавшего, что не след предоставлять лишнюю информацию постороннему, в сущности, человеку. – Но просто поверь на слово: всё предусмотрено, ничего из такой попытки не выйдет, и, главное, они хорошо знают, что не выйдет. Зато после одной-единственной попытки такого вот побега все эти курсы прикроют. А учёба для здешних – как глоток свежего воздуха. Так что они сами же с «беглеца» три шкуры снимут.

Я кивнул. Что ж, будем исходить из того, что эти ребята знают, что говорят. Но ощущения, когда я вместе с ними шагал к аудитории, всё равно были не фонтан. О чём я им стану рассказывать? Можно подумать, тут кому-то действительно интересно слушать про инопланетную культуру или особенности шестипалых пони как редкого биологического вида. Здесь бы больше подошла лекция на тему «Как взломать лазерный сейф?»...

Ближняя стена аудитории оказалась совершенно прозрачной, будто столы со встроенными в них электронными тетрадами для записей, стулья, голографический проектор под потолком и, собственно, ученики располагались за стеклом.

В действительности материал был, конечно же, совершенно иной и намного более прочный – так называемое «герцианское стекло», то самое, из которого изготавливались стенки обычных, не матовых, лифтов.

Точно такая же прозрачная дверь никак не выделялась на общем фоне до тех пор, пока Раджер, приложив к какому-то участку свой большой палец, не привёл в движение отпирающий её механизм. Дверь автоматически открылась внутрь, и мы присоединились к уже собравшимся там людям.

Их было четырнадцать человек. Двое вооружённых охранников (каковых вместе с моими спутниками теперь стало четверо) и двенадцать учеников.

Честно говоря, увидев их, я оторопел и застыл у преподавательского стола, тупо глядя перед собой. Зная, куда меня распределили на ПС, я ожидал чего угодно – сборища головорезов, наёмных убийц с холодными глазами, маньяков с нездоровыми лицами, наркоманов, мающихся от ломки. К чему я никак не был готов, так это к тому, насколько они окажутся... *нормальными*. Это были просто люди, двенадцать взрослых мужчин, ничем не отличающихся от обыкновенной группы студентов, особенно учитывая, что на сегодняшний день вольные слушатели среднего возраста – во все даже не редкость. Разве что странно, что группа подобралась однополая, но и такое тоже случается. Плюс одинаковая жёлтая одежда, состоящая из штанов и рубашек, не позволяла окончательно позабыть о статусе учащихся.

А в остальном... Интеллигентного вида молодой человек в очках, с правильными чертами лица, внимательно просматривал высветившиеся на экране электротетради строки. Совсем молодой на вид парень с курчавыми рыжими волосами и ямочками на щеках приветливо улыбался мне, комфортно устроившись на стуле. Вот разве что высокий толстяк в дальнем углу выглядел в должной степени мрачно и оттого зловеще. Сложно даже представить, что он способен наворотить при таких габаритах. Или, наоборот, слишком легко.

В целом, неожиданность увиденного дезориентировала, но одновременно и упрощала задачу. С людьми общаться как-то легче, чем с преступниками. Хотя и степень ответственности – моей, субъективной, но что ещё может иметь значение? – мгновенно возросла.

Представлять меня никто явно не собирался, так что пришлось, невзирая на чувство неловкости, взять ситуацию в свои руки.

– Добрый день. Меня зовут Сэм Логсон, и сегодня мы поговорим об астрономии.

Дурацкая фраза. Зазубренная, школьная. Но что ещё говорить на этом этапе, когда со слушателями нет пока никакого контакта? Это была не первая моя лекция: почти за пять лет обучения проводить уроки то тут, то там доводилось. Но, мягко говоря, при других обстоятельствах.

Подцепив ногтем тонкую крышку, встроенную в поверх-

ность стола, я вставил «пластинку» (плоский переносной носитель информации, имеющий форму круга) в предназначенное для неё гнездо. Проектор уже был включён, и теперь перед учащимися медленно закружилась объёмная карта звёздного неба. Не профессиональная карта, конечно. Сильно урезанная и местами устаревшая, но для нынешних целей она подходила прекрасно, весьма качественно демонстрируя звёзды, планеты, спутники, туманности, пояса астероидов и даже зияющие пятна чёрных дыр.

Заставив себя оторвать взгляд от голограммы, я медленно обвёл глазами аудиторию. Есть ли им хоть какое-то дело до космоса – этим людям, жизнь которых ограничена крохотным кусочком Новой Земли? Ответ пришёл сам собой: есть. Космос значим для них так же, как он значим и для меня. Свободно передвигающегося по континенту, но в некотором смысле запертого в клетке, как они. Просто для них эта клетка – тюрьма, а для меня – планета. Но никто не может запретить нам мечтать, и я поступил на кафедру теоретической астрономии для того, чтобы космос стал для меня ближе – хотя бы как предмет изучения. И теперь, возможно, я смогу поделиться этой мечтой с кем-нибудь из них.

– Как правило, астрономия ассоциируется у нас с далёкими звёздами и огромными расстояниями.

Я начал говорить, тщательно подбирая слова, задумываясь о формулировках и беспокойно следя за реакцией слушателей. Но с каждым предложением мой голос становился

увереннее. Нужные фразы составлялись спонтанно, речь потекла сама собой.

– Мы вспоминаем о межгалактических кризисах, гипер-прыжках и загадках, которые продолжают загадывать чёрные дыры. Однако на самом деле космос начинается здесь. На Новой Земле. В нас. В каждой частичке нашего тела.

Я прикоснулся к голографическому изображению Новой Земли. Ясное дело, ничего не почувствовал, зато потревожил лазерный луч, что было сразу же зафиксировано компьютером. Теперь я резким движением развёл в стороны большой и указательный пальцы правой руки, так, словно работал с сенсорным экраном. Машина это движение распознала и выполнила соответствующую команду. Изображение планеты увеличилось в размерах, в то время как остальная часть карты основательно уменьшилась и отступила на второй план. Теперь каждый имел возможность беспрепятственно наблюдать за вращением Новой Земли и пяти её спутников, отмечая при этом выпуклости гор, впадины морей и Единого океана и даже зелёные пятна, соответствующие покрытым лесами территориям.

Все учащиеся без исключения подались вперёд, рассматривая голограмму с видимым интересом.

– Каждый наш шаг подвержен законам космоса, – продолжал я. – Когда мы, поскользнувшись, падаем на землю, тому виной гравитация нашей планеты. Приливы, отливы и про-

чие колебания морской воды – это результат движения наших спутников. Основным источником электричества, которым мы пользуемся не то что каждый день – каждую минуту! – является Рейза, звезда нашей планетной системы. Поэтому говоря об астрономии, мы можем, в сущности, говорить о чём угодно. Как о самом далёком, так и о повседневном. Астрономия – это наука, которая не имеет границ.

Всеобщий интерес к моему рассказу придал уверенности, и я продолжил, испытывая чувство, чрезвычайно близкое к вдохновению:

– Кроме того, как все мы знаем со школьных времён, историческая родина людей – планета Земля. Не Новая Земля, а та, изначальная, в честь которой наша планета и была названа. Все жители Новой Земли, её спутников и прочих человеческих планет корнями происходят оттуда. Мы все – потомки первопроходцев, решившихся на заселение новых миров в те времена, когда подобные перелёты никому не казались банальностью. А значит, межзвёздная экспансия для нас – не пустое слово. Каждый из нас принадлежит по меньшей мере к двум мирам – Новой Земле и той, первой.

– А сейчас на Старой Земле кто-нибудь живёт? – поинтересовался рыжеволосый парень.

В поле моего зрения попал Раджер. Он подмигнул, незаметно поднимая вверх большой палец. Дескать, вот и с первым вопросом тебя. С почином. Сдержав улыбку, я поспешил ответить:

– Да. Население есть, но небольшое. Экосистема планеты основательно испорчена, поэтому сейчас там не лучшее место для жизни. Ситуацию стараются исправить, но пока неизвестно, каких результатов удастся достичь.

– То есть возвращение на историческую родину нам пока не грозит, – со вздохом заключил светловолосый мужчина двадцати с небольшим, в котором легко было определить не блондина, а альбиноса.

– Видимо, нет, – подтвердил я. – К счастью, в нашем распоряжении достаточно пригодных для жизни и давно освоенных планет. Был период, что-то около столетия, когда на экспансию и приспособление к жизни в новых условиях уходили практически все ресурсы. Прогресс тогда остановился; в некоторых областях нас даже ощутимо отбросило назад. Но с тех пор всё наладилось, в технологиях произошёл очередной скачок, и нет никаких причин опасаться, что человечество потеряет хотя бы одну обжитую планету.

– А это правда, что у людей и всех гуманоидов общие предки?

– Нет. Почти точно нет, – исправился я. – Действительно была такая теория, гипотеза Бейла, согласно которой не только люди, но и все виды человекоподобных существ происходят с Земли. Якобы те, кто отличается от нас, изменились в ходе очередного витка эволюции, подстраиваясь под природные условия новых планет. Подтвердить или опровергнуть эту теорию исторически достаточно сложно, по-

сколькx космические корабли того времени нередко сбивались с курса, люди теряли связь со своими соотечественниками, и никто не знал, погибали ли они или добирались до пригодных к жизни планет, а если добирались, то до каких именно. С этой точки зрения возможно всё. Но то, что мы знаем о законах эволюции и генетики, заставляет сильно усомниться в справедливости гипотезы Бейла. Вероятнее всего, с большинством из гуманоидов мы не родственники.

– Но разве это не удивительно? – снова вмешался рыжий. – Такие совпадения, если они просто случайны?

– Удивительно, – согласился я. – Но не настолько, как можно было бы подумать. Всё же многим сходствам можно найти логическое объяснение. Более-менее одинаковым размерам, например. Симметричному строению тела. Органам чувств, устроенным по схеме хищников, а не жертв. Словом, при всех странностях объяснимое тоже есть.

– А сколько существует разумных рас?

Это уже тот, здоровый, чуть ли не единственный из них, кто реально походил на преступника.

– На сегодняшний день нам известно двенадцать. – Повезло: я в очередной раз знал ответ на заданный вопрос. В чём-то преподавание оказывается почище иных экзаменов. – Это если включать людей. Но о существовании двух из этих двенадцати мы узнали совсем недавно, буквально в последние десятилетия. Так что в любой день кто-нибудь может открыть и тринадцатую.

– Двенадцать... Символическое число, – задумчиво, я бы даже сказал – мечтательно, произнёс обладатель очков. – Двенадцать апостолов, двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев...

– Что значит «двенадцать месяцев»? – вмешался здоровяк. – А тринадцатый куда подевался?

– Сказка старая есть с таким названием, – отозвался очкарик.

– На Земле – той, старой, – год состоит из двенадцати месяцев, – подсказал я.

– Ух ты! А которого у них нету? – осведомился толстяк с чисто детской непосредственностью.

– У них там вообще вся система другая, – уклончиво ответил я, не стремясь признаваться, что названий земных месяцев просто-напросто не знаю.

– А сколько у них дней в году?

– А сутки длиннее, чем у нас, или короче?

Пожалуй, с уверенностью можно было сказать, что мой первый урок удался.

– Кто все эти люди? – спросил я у Раджера, вновь оказавшись в одном из служебных помещений.

Тюремщик помог мне снять «пояс безопасности», у которого была довольно-таки хитрая застёжка.

– Убийцы, – просто ответил он.

– Что, все?

Я недоверчиво вытаращил на него глаза.

– В той или иной степени. Но здесь только те, у кого нетотягчающих обстоятельств, таких отправляют в категорию «2». Рецидивисты, террористы, убийства с особой жестокостью – это всё не у нас. Политические тоже. А здесь – те, у кого дела попроще.

– И что, у них такие хорошие условия? Телевизор в камере, широкий выбор курсов, обед из трёх блюд?

Я кивнул в сторону кухни, мимо которой мы проходили всего несколько минут назад и из которой до сих пор тянулись вполне впечатляющие запахи.

Тюремщик усмехнулся с видом человека, понимающего что-то, чего не может пока уразуметь его собеседник.

– Их приговаривали не к плохим условиям, а к лишению свободы, – заметил он. – Это сурово само по себе, ты постепенно увидишь. Но вообще во «вторых» тюрьмах условия намного тяжелее.

Я задумался, пробуя проникнуться позицией Раджера, но в итоге лишь пришёл к выводу, что разделить его точку зрения не могу. Для преступников, получивших срок за убийство, наказание казалось слабоватым. Мысли переключились собственно на преступников, которых я видел совсем недавно и которые так оживлённо закидывали меня вопросами о далёких планетах и разумных расах.

– А этот, с очками? – не удержался от вопроса я. – Он что, тоже кого-то... того?

– Дядю своего грохнул, – без особых сантиментов сообщил Раджер. – Наследство большое было. Серьёзный соблазн. Кстати, неплохо, говорят, спланировал, но всё же недорассчитал. Подозрение-то первым делом пало на наследников – ну, и на него в том числе. А наши копы если носом землю роют, редко когда промахиваются.

– Ну хорошо, а тот рыжий паренёк, впереди сидел. С ним-то что не так? – не унимался я.

– Наркоту продал несовершеннолетнему.

Информация про каждого заключённого буквально отскакивала у тюремщика от зубов, будто он сдавал экзамен по их личным делам. Хотя, на самом деле, наверняка постепенно всё запомнил, просто потому, что день за днём имел дело с этими людьми.

– Наркоту?!

Образ любознательного парня никак не вязался с вменённым ему преступлением. Я мог легко представить его работающим с подростками, но в качестве какого-нибудь жожа-того, а никак не торговца дурманящими средствами.

Однако флегматичный кивок Раджера убедил меня в том, что тюремщик ничего не напутал.

– А здесь он почему? Это же не убийство, совсем другая статья?

– Тот парень (ему лет двадцать, кажется, было) умер от передозировки, – пояснил тюремщик. – Факт торговли доказать не смогли, а вот то, что наш рыжий приятель передал

ему наркотик, установили. Так что сидит за непредумышленное убийство.

«Всего лишь?» – хотел возмутиться я. Но вспомнил «студента», который на наркодельца походил ещё меньше, чем на убийцу, и промолчал, чувствуя, что начисто дезориентирован.

– Ну, а самый крупный? Высокий толстяк, он ещё сидел за последним столом?

– А тут печальная история. – Раджер и вправду заметно помрачнел. – На жену его в подъезде напал грабитель. А он как раз из квартиры спускался. Ну, схватил этого грабителя, врезал по лицу, да и отшвырнул куда подальше. Оказалось – на лестницу, которая, значит, на улицу вела. Тот по ступенькам проехал, головой ударился и отдал концы. Ну вот, в итоге – труп со следами побоев. Сочли чрезмерным применением силы, дескать, можно было разрулить ситуацию без жертв. С учётом смягчающих обстоятельств дали двадцать два месяца. Восемь из них он уже отсидел.

Я с округлившимися глазами прислонился плечом к невзрачной стене. Вывод, что я ничего не понимаю в этой жизни, всё более прочно укреплялся в моём мозгу.

Глава 2

– Планеты можно делить на группы по самым разным признакам. Одна из наиболее распространённых классификаций, предложенная два столетия назад Георгом Файнсом, базируется на наличии (или отсутствии) на небесном теле жизни вообще и разумной жизни в частности.

Заключённые слушали, время от времени делая пометки в электротетрадах. Каждый использовал предпочтительный для него способ ведения записей. Одни открыли в нижней части экрана сенсорную клавиатуру, другие активировали клавиатуру виртуальную, третьи и вовсе водили по экрану пальцем, предоставляя машине затем «переводить» написанное в электронный текст.

– Категория 1 – это планеты, населённые людьми. Я говорю «планеты», но это также могут быть и спутники. Например, два наших спутника, заселённые в ходе экспансии, – Митос и Истерна. К этой же категории, естественно, относится и Новая Земля.

– И Земля – тоже? – уточнил, поднимая руку, рыжий.

– Безусловно, – подтвердил я. – Категория 2 – планеты, основное население которых составляют гуманоиды, но не люди. К ним, например, относятся Крисена и Рока.

– Рока? Никогда про такую не слышал, – удивился очка-

стый убийца дяди.

– У них не слишком развиты технологии, – объяснил я. – Кроме того, условия плохо подходят для инопланетного туризма. Корабли других рас приземляются там крайне редко, сами же роцеанцы и вовсе не покидают свою планету. Тем не менее, они считаются гуманоидами, и, соответственно, их планета классифицируется как двойка. Категория 3 – на планете обитают разумные расы, но не гуманоиды. Например, Йелонди. Кому-нибудь из вас доводилось видеть йелонцев?

Пара человек вытянули руки.

– Это было забавно, – заметил один. – Они летели в экскурсионном флайербусе, и каждый сидел в эдаком скафандре, наполненном водой.

– Они не могут дышать кислородом, – подтвердил я. – Вся поверхность их планеты покрыта водой, а сверху – ещё и толстым слоем льда. Мы бы никогда не узнали об их существовании, если бы их цивилизация не была настолько развитой, и они не отправились на собственных космических кораблях в поисках других миров. Так что это они открыли нас, а не мы их. А скафандры они используют ещё и для того, чтобы передвигаться по земной поверхности при помощи специальной системы управления, поскольку ног у них нет, только хвост. Вообще биологически они ближе всего к нашим рыбам, хотя различий тоже хватает. Итак, категория 4, – продолжал я, сочтя отступление достаточно длинным, – планеты, на которых не обитают разумные расы, но есть животные

или растения. Категория 5 – жизнь представлена исключительно микроорганизмами. Наконец, категория 6 – это полное отсутствие жизни на планете.

– Всё отлично, – сообщил Раджер, когда с меня в очередной раз снимали хитрый пояс. – Начальство с записью позавчерашней лекции ознакомилось и курс окончательно одобрило. Ты вообще молодец, правда интересно рассказываешь.

– Спасибо. – ОСП наконец сняли, и я смог нормально вернуться к собеседнику. – Это будет единственная группа?

Вначале упоминалось, что классов может оказаться несколько, но это должно было проясниться на более позднем этапе.

– Да вроде бы, – кивнул второй охранник, помогавший мне сегодня с поясом. – У остальных сейчас учебные часы полностью забиты. Здесь ведь на всё свои ограничения. Хотя, может, ближе к весне что-нибудь изменится, какие-то курсы закроют. Ты как, предпочитаешь нагрузку повыше, чтобы быстрее срок отмотать? Ну, в смысле, ПС закончить, – хохотнул он.

– Э... Ну да, – согласился я.

Не признаваться же было, что преподавать в тюрьме мне понравилось, в работу я втянулся уже со второй лекции, и теперь с удовольствием бы расширил спектр своих обязанностей, взявшись вести ещё одну группу.

Раджер глядел на меня, явно пребывая в раздумьях.

– Вообще-то если только на нижний этаж пойти...

– Нет! – Второй тюремщик активно замотал головой. –

Вот туда не надо.

– Почему? – Раджер возразил так уверенно, словно сам только что не колебался. – Формально обучение полагается всем, в том числе и тем, кто проходит заключение внизу.

– Формально – не знаю, а только начальство этого не одобрит, – упорствовал второй.

– Да вряд ли, – протянул Раджер. – Начальству до таких мелочей особого дела-то и нет.

– А что там внизу? – не выдержав, вклинился я.

– Одиночки, – лаконично отозвался второй тюремщик, всё ещё неодобрительно взиравший на своего коллегу.

– Одиночные камеры, – расшифровал для меня тот.

– И условия куда как хуже, – нехотя, как бы через силу разомкнув губы, добавил другой охранник. – Не как в гостинице. А как в тюрьме.

– Убийства с отягчающими обстоятельствами? – предположил я, припомнив слова Раджера о рецидивистах и членах террористических организаций.

– Нет, – покачал головой Раджер. – Эти в других тюрьмах сидят, во «вторых».

– А кто же тогда?

Вот теперь у меня не было на сей счёт даже отдалённых догадок.

– Те, кто не сознался в совершённом преступлении.

Мы спускались по лестнице, освещаемой маленькими круглыми лампочками, вмонтированными в стену. Тени от этого приобретали весьма причудливую форму, способствуя несколько зловещей атмосфере.

– Даже после вынесения приговора за заключённым сохраняется право признать себя виновным. Ну, или, соответственно, не признаваться.

Спокойный, рассудительный голос Раджера, напротив, начисто развеивал налёт мистического. Второй тюремщик с нами не пошёл, заявив, что не хочет иметь к этому делу никакого отношения, дабы ему в случае чего потом от начальства не влетело. Видимо, правила безопасности не требовали присутствия в подобной ситуации двоих служащих охраны.

– Формально чистосердечное не требуется, – продолжал объяснять мой спутник. Миновав крошечную лестничную площадку, мы продолжили спуск. Снизу повеяло холодом. – Но когда преступник уходит в несознанку, для правоохранительной системы это не слишком хорошо. Получается, будто остаются шансы на ошибку. А правосудие не любит, когда его в таких ошибках обвиняют. Дело-то, сам понимаешь, нешуточное: тюремный срок за убийство.

– Так их, получается, наказывают заточением в одиночки?

Я поёжился, сам не понимая: от того ли, что здесь стало зябко, или от правды жизни, завесу которой приоткрывал передо мной сейчас Раджер. Последняя, прямо скажем, дур-

но пахла.

– Ну, *формально*, – в очередной раз особо выделил интонацией это слово тюремщик, – их никто не наказывает. В целом, обеспечивать преступникам такие условия, как наверху, – указательный палец Раджера вытянулся к потолку, – никто не обязан. К тому же и поведение играет роль при распределении по камерам, и наличие свободных мест. Так что одни оказываются там, а другие здесь, и никаких претензий руководство тюрем в связи с этим не предъявит. Тем более что система такие методы негласно поддерживает. Это ведь не в качестве наказания придумано, – теперь он говорил, слегка понизив голос, – а для того, чтобы признание в конечном итоге спровоцировать. Человек всё равно осуждён, всё равно сидит, так можно ведь с тем же успехом сидеть и в лучших условиях. А у правоохранительных органов статистика повышается.

Рассуждал Раджер спокойно, я бы даже сказал, беспристрастно, и личного отношения к описываемой данности не высказывал, словно был в равной степени готов обосновать как решение заключённого, так и политику правоохранительной системы.

Меж тем мы успели спуститься на нижний этаж и теперь продвигались по странным закоулкам: коридор поворачивал чуть ли не каждые несколько метров. Как вскоре выяснилось, это делалось для того, чтобы одиночные камеры были поистине одиночными: их обитатели никак не пересекались

друг с другом, а звукоизоляция не позволяла им даже перекрикиваться. Несмотря на включённую систему вентиляции, пахло здесь не слишком приятно. Температура воздуха, как я уже упоминал, была низковата, хотя кондиционирование наверняка позволяло выставить любой температурный режим.

Камер оказалось не слишком много, и большая часть из них пустовала. По-видимому, заключённые и вправду предпочитали, уж коли получили срок, сознаться в совершённых (или не вполне совершённых) преступлениях, чтобы отбывать его в нормальных условиях.

Вскоре мы дошли до той камеры, к которой вёл меня Раджер. Стена и здесь была абсолютно прозрачной, но сомнений не возникало: прочнее не бывает. Внутри не было никакой мебели, за исключением низкой и жёсткой даже на вид кровати. Из постели – старая, рваная в нескольких местах простыня (их здесь делают из крайне непрочного материала, дабы у заключённых даже мысли не возникло попытаться смастерить из постели удавку) и сальная подушка без наволочки. Слева – унитаз, без сиденья и не прикрытый от посторонних глаз даже какой-нибудь хлипкой перегородкой.

Вспомнились замеченные наверху телевизоры, компьютеризированные классы, чистенькие душевые со свежими полотенцами и обеды из трёх блюд. Кажется, я бы сознался.

Естественно, все эти условия я отмечал всё больше мельком, поскольку взгляд приковывал в первую очередь обита-

тель камеры. Мужчина сидел на полу, опираясь спиной о край кровати. На вид я дал бы ему лет сорок. Короткие русые волосы, то ли голубые, то ли серые (отсюда не разобрать) глаза, под которыми залегли круги. По лбу несколькими извилистыми полосками пробежали морщины. Одежда такая же, как и у тех, что наверху, только более старая и стирается явно редко. На безымянном пальце левой руки – классическое обручальное кольцо-печатка. Ногти выглядят неопрятно. И все эти штрихи страшно диссонируют с волевым и дисциплинированным лицом. Не знаю, может ли лицо быть дисциплинированным, но почему-то именно так хотелось его охарактеризовать. Сразу же сложилось впечатление, что передо мной военный, или полицейский, или, по меньшей мере, руководитель какого-нибудь крупного проекта, требующего быстрых решений и железной субординации.

– Кто это? – шёпотом спросил я.

– Рейер Макнэлл, бывший капитан патрульного звездолёта, – не понижая голоса, ответил Раджер. – Он нас не услышит, пока мы не разблокируем звукоизолирующее поле.

– И кого он убил? – Я тоже заговорил с нормальной громкостью.

– Свою жену.

Вот тебе и флотская дисциплина. Своеобразное применение полученным в армии навыкам. Впрочем, если две лекции, проведённые в тюрьме, успели чему-то меня научить, так это воздерживаться от поспешных выводов. Так что я от-

носителем спокойно продолжил стоять напротив камеры и даже не сразу отвёл глаза, встретившись взглядом с распрявившим спину заключённым.

– А обручальное кольцо он что, в память о ней носит? – прокашлявшись, любопытствовала я.

– Снимать не захотел, – пожал плечами тюремщик. – На такую личную вещь имеет право – после тщательной проверки, разумеется.

Между тем Макнэлл поднялся и приблизился к прозрачной стене. Вид его был не испуганным, но настороженным. Раджер приложил палец к небольшому квадрату сенсора, расположенного слева от камеры на уровне глаз, деактивировав таким образом звуковой барьер между помещениями.

– Макнэлл, есть возможность прослушать курс лекций в рамках образовательной инициативы континентальных тюрем, – без особенно ярких интонаций сообщил он. – Вот преподаватель, студент столичного университета Сэм Логсон. Лично я рекомендую ответить согласием.

Заключённый несомненно удивился, слегка приподнял брови, а затем принялся рассматривать меня особенно внимательно. Так, словно я неожиданно заявился к нему на собеседование, и он пытался понять, есть ли у меня достаточный потенциал, чтобы быть принятым на работу.

– И какова же тема курса? – поинтересовался он, снова обращая взор на Раджера.

– Теоретическая астрономия, – не моргнув глазом, отве-

тил тот.

Макнэлл не рассмеялся в голос, но плечи его недвусмысленно затряслись.

– Какой у вас год обучения? – спросил он у меня. – Впрочем, это неважно. Вы действительно рассчитываете научить меня чему-то новому в этой области?

Я почувствовал себя неожиданно спокойно. Наверное, потому, что уже успел понять: моя основная миссия в данном заведении вовсе не в том, чтобы повышать уровень чьей-либо квалификации.

– Нет, – честно ответил я. – Но я надеялся, что, быть может, вы сможете научить чем-то новому меня?

Молчание. За которым последовал совершенно неожиданный для меня ход.

– Стало быть, вы обучаетесь на кафедре теоретической астрономии. К какой категории по классификации Файнса относится гамма созвездия Акации?

От такого поворота я слегка растерялся; потребовалось несколько секунд, чтобы припомнить материал.

– К категории 4.

– Почему?

Складывалось впечатление, будто я и вправду прохожу интервью или устный экзамен.

– Потому что на планете нет разумной жизни, – ответил я, можно сказать, по учебнику.

– А как же пятнистые мустанги?

Если он пытался таким образом меня завалить, то весьма неудачно.

– Это животные, а не разумная раса, – протянул я, давая понять, что моё утверждение совершенно тривиально.

– А из каких соображений вы делаете такой вывод? – не согласился с тривиальностью моего ответа Макнэлл. – Пятнистые мустанги умны и умеют находить оригинальные решения абсолютно новых задач.

Это заявление немного поколебало мою уверенность, но не настолько, чтобы всерьёз изменить мнение.

– Многие животные умеют находить новые решения, – возразил я. – Интеллект пятнистых мустангов приблизительно соответствует интеллекту человекообразных обезьян. Они умны, безусловно, но этого недостаточно, чтобы причислить их к разумным расам.

– А каким способом вы можете определить уровень их интеллекта? – и не думал прекращать расспросы (или экзамен?) капитан.

Раджер переводил взгляд с него на меня и обратно, несомненно, тоже видя в происходящем нечто нестандартное, но пока не вмешивался.

– В случае с обезьянами использовался главным образом коэффициент энцефализации, основанный на отношении массы тела к массе мозга. – Сколь ни забавно, эта дискуссия меня не раздражала, а, наоборот, становилась интересной. – Как вы наверняка знаете, результат человекообраз-

ных обезьян по этому показателю – около двух, в то время как у людей – семь. Согласитесь, что, как бы ни был высок уровень обезьян, эти результаты несопоставимы.

– Вот только к животным, обитающим на большей части других планет, EQ^2 оказался неприменим, – напомнил Макнэлл.

– Справедливо. – Я мельком покосился на тюремщика, явно потерявшего нить нашего разговора. – Равно как и к земным животным, если они не являются млекопитающими. К птицам, например. Но ведь была разработана новая мера. Уравнение Батхольда подходит для инопланетных животных, не только для наших. И, понятное дело, не только для млекопитающих. По этому показателю уровень разумных рас составляет от 11 до 17. Результат обезьян – 5, а пятнистых мустангов – приблизительно 6.

– От 11 до 17 – это огромный разброс, – заметил бывший капитан, похоже, не услышавший из моих уст ни одного нового слова.

– Насколько мне известно, взгляды учёных на этот счёт не слишком расходятся, – настаивал я.

– Я не учёный, зато мне неоднократно доводилось видеть на практике, на что способны существа, пренебрежительно награждённые людьми такими оценками, как пять или четыре. – Капитан явно предпочитал, чтобы последнее слово оставалось за ним. Что, впрочем, неудивительно, если учи-

---

² EQ (сокращённо) – коэффициент энцефализации

тывать его недавнюю должность. – На мой взгляд, люди берут на себя слишком много, щедро раздавая ярлыки всем живым существам. Впрочем, оставим. Ответьте мне на другой вопрос. Отчего планета Ярон-2 получила категорию «две трети»?

Тут меня было не смутить: эту тему наш лектор по планетарным классификациям обсуждал на одном из самых первых занятий.

– Учёные долгое время не могли определить, относятся ли её обитатели, миенги, к гуманоидам, – отозвался я. – С одной стороны, строение их тела в целом напоминает человеческое, но с другой, наличие двух пар рук и двух пар глаз несколько портит картину. Поэтому долгое время категорию записывали как «2/3», что в результате начали читать как «две трети». Прочтение, хоть и неправильное, так и закрепилось.

Я ожидал, что «экзаменатор» останется удовлетворён правильным ответом. Ответ он и не оспаривал, но вот смотрел на меня несколько странно, будто силился в чём-то разобраться и всё никак не мог. Наконец, он перевёл взгляд на Раджера и сообщил:

– Хорошо, я согласен на занятия.

Мы с тюремщиком переглянулись, и, кажется, оба с трудом удержались от вздоха облегчения.

– Какое время вам подойдёт? – спросил у меня Раджер.

– Я веду группу по вторникам и четвергам с четырёх до

пяти. Могу приходить сюда прямо в пять либо делать перерыв до шести.

Варианта, наоборот, приезжать в тюрьму раньше у меня не было.

– Лучше в пять, – высказался Макнэлл прежде, чем Раджер успел произнести хоть слово. – В шесть начинается смена Кортонна. Вряд ли нашему юному преподавателю стоит это наблюдать. – Теперь он обращался исключительно к тюремщику.

Тот, в отличие от меня, понял, о чём идёт речь, и незамедлительно кивнул, проявив неожиданную солидарность с заключённым.

Решение было принято, и я улетел, предварительно подтвердив, что снова прибуду в тюрьму в следующий вторник.

Быть может, этого признания следует стыдиться, но к моменту возвращения домой я успел практически забыть о тяготах жизни в заключении. Накопилась собственная усталость, а дорога на общественном транспорте выматывала, учитывая, что мне пришлось пересечь приличную часть нашего совсем не маленького города. Частный транспорт у меня имелся, но он предназначался для несколько иных целей. Для каковых я его, по иронии судьбы, использовать как раз и не мог.

Дверь подъезда была заперта, и я открыл её, приложив большой палец правой руки к так называемой «замочной

скважине». Ничего общего со скважиной кружок сенсорной панели не имел, но название, насколько мне известно, сохранилось с тех давних времён, когда речь действительно шла о сквозном отверстии. Поднявшись на третий этаж, я повторил процедуру с дверью собственной квартиры, а затем ещё и посмотрел в глазок. Сверив с базой данных как отпечаток пальца, так и радужку, компьютер признал меня хозяином, и дверь беззвучно отъехала в сторону, чтобы снова закрыться, едва я оказался внутри.

Некоторые использовали более новую охранную технологию, считавшуюся не такой энергозатратной для жильца. Компьютер просто сканировал внешность приближающегося к двери человека и автоматически отпирали квартиру в случае, если признавал в нём одного из хозяев (или же их родных и друзей, получивших постоянный доступ). Иногда к этой системе добавлялось опознавание голоса. Но этот способ, хоть и более современный, уже успел получить славу не слишком надёжного. При определённом уровне фантазии и технологической подкованности компьютер не слишком сложно было обмануть. Так что я, вместе со многими другими владельцами квартир, предпочитал подождать, пока систему усовершенствуют, используя пока более проверенные средства. Не так чтобы уровень преступности у нас зашкаливал, но, как и в любом большом городе, случалось всякое.

Свет в прихожей включается автоматически, и я приступаю к тому, что нуждается в моём руководстве.

– Температура в гостиной?

Ничего не происходит. Умный дом воспринял фразу как команду и ждёт продолжения. Я раздражённо закатываю глаза.

– Какова температура в гостиной? – произношу я, на сей раз используя вопросительное слово.

– Девятнадцать градусов по Цельсию, – тут же отвечает компьютер.

– Подними до двадцати двух.

Мой слух мгновенно улавливает тихий гул заработавшего кондиционера.

– Наполни ванну. На две трети. Температура воды – тридцать семь градусов.

– Количество пены? – уточняет компьютер.

– Третий уровень. Одно полотенце для тела. Один комплект пижамы, умеренно подогретый, – продолжаю раздавать указания я, походя к шкафу.

Снимаю с выдвинувшейся мне навстречу полки заказанное бельё и шагаю в ванную. Настало время процедуры, которую я позволяю себе лишь раз в десять дней.

В шкафчике под зеркалом много флаконов и баночек, наличие которых в ванной комнате никого не удивит, но истинное назначение которых при этом мало кому известно. Я достаю две такие баночки и ставлю на стеклянную полку. В одной – густая мазь малоприятного коричневого оттенка. Я начинаю щедро наносить её на висок, постепенно спуска-

ьясь ниже, вдоль линии уха, к краю челюсти. Потом повторяю процедуру со второй стороной лица. Дальше на очереди – лоб и подбородок. Выжидаю положенные две минуты. Смываю мазь почти прозрачной жидкостью из флакона. Тщательно вытираюсь полотенцем. И внимательно смотрю на себя в зеркало.

На лице начинают постепенно проявляться тонкие углубления, словно шрамы, обрамляющие его со всех сторон. Я прикладываю к ним обе руки – большие пальцы внизу, на подбородке, средние и указательные – выше, в районе висков. И медленно снимаю лицо. Точнее сказать, маску, усовершенствованную настолько, что от настоящего лица её не отличишь никак – ни на цвет, ни на ощупь, ни по капелькам пота, проступающим на лбу, ни по их отсутствию в жаркую погоду. Плод идеального труда искуснейшего специалиста. И даже не одного, ибо первичный рисунок создавал первоклассный художник, предварительно тщательно изучивший моё лицо. Моё подлинное лицо. Женское.

Глаза, понятное дело, те же, стального серого цвета, ресницы тоже и в маске собственные: они не слишком длинные, не завиваются кверху, словом, не выдают свою хозяйку излишней женственностью. А вот линия бровей уже иная, врзлёт, в отличие от тех, что на маске, более густых и менее изогнутых. Подбородок стал *уже*, изменилась форма носа: у маски он побольше, крылья пошире, в то время как мой настоящий – чуть-чуть вздёрнутый. Цвет кожи сейчас ощу-

тимо бледнее – не только из-за постоянного её пребывания под маской, я вообще не смуглая от природы. Словом, иное лицо, иные черты, иной пол – всё иное.

Из-за заполняющейся горячей водой ванны зеркало запотело. Аккуратно опустив маску в посудину, наполненную специальным раствором, я протёрла стекло рукавом и осторожно коснулась подушечками пальцев отражения собственного лба. Медленно провела рукой вниз, «по щеке». Иногда мне кажется, что я начинаю забывать этот образ, настолько привычным становится тот, второй.

Замдиректора тюрьмы был прав, говоря о том, что пратонцам на Новой Земле лучше иметь сыновей. Когда-то давно, во времена Второй Межзвёздной Экспансии, люди селились небольшими группами на казавшихся пригодными для жизни планетах. Вроде бы они даже получали под это дело неплохие субсидии, поскольку таким образом земное правительство выясняло, какие из новых миров подходили для более основательного заселения. Пратон был одной из таких планет. Кислород, жидкая вода, вполне сносная для человека температура – казалось, всё прекрасно. Но вскоре на планете обнаружили источники сильного радиоактивного излучения не слишком понятной природы. Многие мигранты умерли, остальные спешно перебрались к своим братьям, обосновавшимся на других, более благополучных, звёздах. И лишь позднее выяснилось, что то воздействие, которому успели подвергнуться пратонцы, возымело определённый

генетический эффект, проявлявшийся исключительно у девочек. Это было не уродство, не болезнь, можно даже сказать, наоборот, подарок природы. Пратонки обладали своего рода сверхспособностями, быть может, не слишком внушительными, но всё же недоступными обычным людям. Способности были связаны с мозговыми функциями и проявлялись у разных женщин немного по-разному. Наиболее распространённым вариантом был телекинез. Не мощный, но позволявший передвинуть не слишком тяжёлый предмет на десять-пятнадцать сантиметров.

«В чём же проблема?» – спросите вы. Проблема, как и в большинстве случаев, в людях. Наука до сих пор не могла объяснить природу феномена пратонцев, и необычная природа их – наших – способностей не давала покоя как правительству Новой Земли, так и профессорам всех мастей. Раскрыть секрет телекинеза и подобных ему явлений, объяснить и научиться воссоздавать то, что, согласно известным законам физики, должно лежать в плоскости невозможного, – это считалось задачей планетарного значения. Поэтому пратонки брали в оборот и вынуждали регулярно проходить всевозможные проверки, сканирования, облучения и томографии. Это не только существенно ограничивало их жизнь, но и имело пагубные последствия для здоровья. Однако правительство не отступало, считая, что здоровьем многочисленных представительниц генменьшинства можно пожертвовать ради того, что считалось интересом человечества в

целом.

Моя мать не выдержала этих проверок. Она умерла в возрасте тридцати шести лет, при средней продолжительности жизни в сто двенадцать. Но прежде успела принять меры, чтобы оградить свою дочь от такой же судьбы. Используя самые разные связи, в том числе знакомства моего отца (выдающегося исследователя-физика), а также наладив контакт с не самыми законопослушными дельцами, она сумела организовать для меня – тогда ещё ребёнка – новые документы и новое лицо. И с Северного континента на Южный вместе со своими родителями переселилась уже не Саманта, а Сэм Логсон. Даже опознавательную систему, основанную на отпечатках пальцев, удалось обмануть: помимо маски я получила столь же виртуозно сделанную «перчатку», неотличимую от подлинной кожи. Со временем всё это пришлось обновить, но старые связи сохранились, так что с особыми сложностями повторный процесс сопряжён не был.

Убитый горем отец бросил государственную службу, не прислушиваясь к тщетным попыткам начальства отговорить его от этого шага. Своими изобретениями он продолжил заниматься в домашней лаборатории и, можно сказать, нашёл утешение в работе, хотя мать пережил только на десять лет.

Они ушли, а я осталась жить и ненавидеть эту планету всеми фибрами души. Вот только деваться отсюда мне было некуда. Нет, на Митос или Истерну, наши заселённые спутники, отправиться можно было без особого труда. Вот толь-

ко смысла это не имело, поскольку по сути я бы перебралась в провинцию всё той же Новой Земли.

А вот с полётами на расстояние, превышающее полмиллиона километров, дело обстояло сложнее. Дороговизна – это ещё не самое худшее. Благодаря своим многочисленным изобретениям отец успел скопить кое-какой капитал, и я могла позволить себе дорогостоящий перелёт в другую звёздную систему. Беда заключалась в том, что получить билет на подобный полёт можно было, лишь благополучно пройдя медкомиссию. Она должна была подтвердить, что состояние здоровья пассажира пригодно для продолжительного космического путешествия. И всё бы ничего, вот только в ходе проверок непременно выявили бы мой истинный пол.

Так я и оказалась узницей на собственной планете, с правом свободного перемещения по огромной территории, но запертой в жёстких рамках чужой личины. Не подвергаясь принудительным опытам, но, по иронии судьбы, обязанной проходить предназначенную исключительно для мужчин ПС. Без родных и без друзей среди сверстников, поскольку, вынужденная маскироваться с самого детства, не ощущала себя ни полноценным мужчиной, ни в должной степени женщиной. Не имея определённых целей, не рисуя себе мало-мальски понятного будущего на ненавидимой планете. Даже не зная, какую профессию себе избрать. И только с направлением в учёбе определилась легко, продолжая инстинктивно стремиться к иным звёздам, тем самым,

полёт к которым был для меня в реальности закрыт.

Зато в силу всё той же иронии судьбы двери в тюрьму были теперь для меня открыты. И когда наступил вторник, я в очередной раз отправилась туда.

Глава 3

– А почему мы не сняли пояс? – спросила я у Раджера, спускаясь следом за ним по ступеням. – Этот заключённый, Макнэлл, он ведь заперт в камере.

– Заперт, – согласился тюремщик. – За герцианским стеклом, его не разбить. Да дело даже не в стекле. Этот конкретный парень тебе ничего бы сделать не попытался, уж поверь моему опыту, я семнадцать лет здесь работаю. Но правила есть правила. Раз контактируешь с арестантом, значит, пояс должен быть.

Я кивнула (стремления спорить и не было, так просто спросила), и молча преодолела последние ступеньки. Осуждённый капитан поднялся нам навстречу; брови сошлись на переносице, в то время как тяжёлый взгляд сверлил меня сквозь непроницаемое стекло.

Но разговор – после того, как Раджер «включил звук», – начался как ни в чём не бывало.

– Чему же вы собираетесь учить меня сегодня? – любопытствовал Макнэлл.

Присутствовала ли в его словах ирония, можно было решать, исходя лишь из логики: ни выражение лица, ни интонация подсказки не давали. Задействовать логическое мышление я умела, и потому с уверенностью дала положитель-

ный ответ: ирония присутствует, и ещё какая.

– В предыдущей группе мы обсуждали планеты, заселённые в ходе первой межзвёздной экспансии, – сообщила я, садясь на высокий табурет. Кто-то заранее принёс его и поставил с этой стороны стекла, видимо, специально для меня. – Но я подумал, что для вас это будет слишком очевидно. Поэтому хочу предложить другую тему. Как насчёт животного мира планет четвёртой категории?

– Неплохой вариант, – хмыкнул капитан. – На «четвёрках» нам по долгу службы доводится бывать нечасто. Обычно мы имеем дело с людьми и другими разумными расами.

Я мысленно отметила используемое им настоящее время – «доводится», «имеем». Случайная оговорка или принципиально выбранная формулировка? Сочтя, что зацикливать на этом внимание не стоит ни в том, ни в другом случае, я приступила к уроку.

– Вот и отлично. Предлагаю начать с яйцекладущих.

Конечно, большую часть того, что я рассказывала, он уже знал. Но, возможно, хотя бы процентов десять информации оказалось ему неизвестно. Да и в целом, как мне кажется, дискуссия, в которую быстро перерос урок (назвать его лекцией уж точно было нельзя), доставила определённое удовольствие нам обоим.

Но под конец Макнэлл стал регулярно спрашивать у меня о времени, а если не спрашивал, всё равно постоянно косился на multifunctional часы на моём запястье. Не

вполне понимая, что бы это могло значить, я постаралась побыстрее завершить занятие, ощутило скомкав конец. Может быть, заключённый устал, или ему надоело, или и вовсе не нравилось с самого начала, а недавний энтузиазм лишь привиделся мне, поскольку я стремилась выдать желаемое за действительное.

Я почти добралась до ступенек, когда увидела спускавшегося навстречу мужчину в форме тюремщика, несшего поднос с местной посудой и что-то вроде накрытого крышкой бидона. Совершенно не знакомый мне человек, очень коротко постриженный, высокий и широкоплечий. Я посторонилась, предоставляя ему проход в довольно-таки узком коридоре. Раджер успел уйти немного вперёд. Запах, коснувшийся ноздрей, был намного менее приятным, чем я ощущала прежде на тюремной кухне. Интересно, ужин здесь настолько хуже обеда, или тех, кто сидит на нижнем этаже, в принципе кормят иначе? И, главное, неужели именно этой трапезы капитан поджидал с таким нетерпением?

Поддавшись чувству любопытства, я развернулась и тихонько направилась следом за тюремщиком, спина которого уже успела скрыться из виду в сложной системе здешних поворотов. Нагнала как раз вовремя, чтобы увидеть, как тот переливает из бидона в тарелку похлёбку малоприятного цвета. К потолку устремились струйки пара.

Прикоснувшись к нужному сенсору, охранник открыл в стеклянной стене прямоугольное окошко.

– Ужин! – громогласно объявил он.

Макнэлл приблизился, дабы принять тарелку. Я уже собиралась направиться обратно, к лестнице, не вполне понимая, что здесь сейчас делаю, как вдруг тюремщик, рывкнув «Жри, вражина!», резко опрокинул горячую похлёбку на заключённого. Я отчётливо видела, как жидкость попала на лицо.

Самое странное было то, что капитан не закричал. Лишь громко зашипел и отшатнулся от стекла, прижимая руки к обожжённой коже.

На какой-то миг я застыла, забыв, как дышать. Даже не заметила, в какой момент стриженный снова надавил на кнопку, и окно закрылось, словно затянувшись стеклянной плёнкой.

Кто-то компактный и малодушный, сидящий внутри каждого человека, посоветовал тихонько, на цыпочках, уйти, пока моё присутствие не заметили. Остановила мысль, что это будет не по-мужски, да и вообще, противоречит чувству справедливости.

– Вы что, с ума сошли?! – Раз уж выбор сделан, мяться и жаться к стене смысла не имело. Я резко выступила вперёд, словно всё это время просто дожидалась удобного момента. – Кто вам дал такие права? Да я сейчас пойду с жалобой к директору тюрьмы!

– А на что? – и бровью не повёл охранник. Похоже, тот факт, что его поймали с поличным, этого человека несколько не взволновал. – Ну, уронил миску, с кем не бывает?

Ошарашенная такой наглостью, я упёрла руку в бок.

– В таком случае, как насчёт оказания первой помощи пострадавшему? И почему не обратились в медицинский центр? Где средства от ожогов?

Тюремщик пренебрежительно передёрнул плечами.

– Ничего серьёзного, само пройдёт, – отмахнулся он. – А ты кто вообще такой? Я тебя в первый раз вижу.

– Новый преподаватель курса по астрономии.

Я скосила глаза на успевшего вернуться за мной Раджера. Слишком увлеклась, даже не обратила внимания на его появление.

– Ах, учитель, – без малейшего уважения к профессии протянул второй тюремщик. – Ну, так иди учительствуй. А поучать меня не надо.

Поддержки со стороны Раджера я не получила; напротив, он взял меня за локоть и практически потащил за собой.

– Что это такое?! – возмущённо прокряхтела я, сумев освободить руку лишь когда мы поднялись по первым ступенькам. За это время я успела запыхаться, а в районе локтя наверняка начали образовываться синяки. – Что за беспредел здесь творится? Да я прямо сейчас пойду с жалобой к директору тюрьмы или заму. Кто-нибудь из них ещё на работе?

– Нет, в такой час никого из них на службе не бывает, – бесстрастно ответил Раджер. Тюремщик удостоверился в том, что бежать обратно к камере я не стремлюсь, и предоставил мне восходить по лестнице самостоятельно. – И не советую тебе приезжать сюда завтра пораньше, чтобы пере-

говорить с кем-нибудь из них.

Я уставилась на него в недоумении, поскольку он практически снял готовую реплику у меня с языка. Вместо родившейся в мозгу тирады с губ теперь слетел лишь короткий вопрос:

– Почему?

– Я ведь говорил: начальство негласно одобряет такое обращение с не сознавшимися арестантами.

– Про *такое* обращение речи не было, – заупрямилась я.

Раджер безразлично пожал плечами: вести бессмысленный спор он был не настроен.

– То есть вот это всех устраивает? – переспросила я, отчего-то понизив голос.

Снова пожатие плечами, на сей раз призванное заменить положительный ответ.

– Система заинтересована в том, чтобы преступники делали официальное признание, – напомнил тюремщик.

Кстати сказать, сам он голоса не понижал.

– И выбивает это признание силой?

Раджер промолчал, но в выражении его глаз я прочитала одобрение: «Вот теперь ты начинаешь что-то понимать, птенец».

А ведь действительно, что это я удивляюсь? Можно подумать, мне по собственному опыту не известно, сколь... несовершенной бывает система.

– Ладно, но ведь это незаконно? – продолжала настаивать

я. Врождённое упрямство, не иначе. – Он же может рассказать обо всём своим родным, а те – поднять шум?

– Заключённым с нижнего этажа свидания запрещены, – невозмутимо просветил меня Раджер.

Я моргнула, принимая информацию к сведению. Ну да, вот и ещё один способ воздействия.

– Ну ладно, а камеры? На них же фиксируется всё, что происходит!

– Непосредственно возле места заключения их нет.

– Что? – Я остановилась посреди лестничного проёма, недоверчиво вытаравшись на Раджера.

– Съёмка этого участка не ведётся, – перефразировал он. Видимо, чтобы до меня точно дошло.

– Но как такое может быть?

У меня безвольно опустились руки.

– Думаю, ты и сам догадаешься. – Тюремщик продолжил подниматься, как ни в чём не бывало. Это заставило меня выйти из ступора, дабы не отстать. – Так у Кортон и ему подобных больше свободы.

Кортон...кажется, я уже слышала это имя. В любом случае, речь явно о том охраннике, что принёс Макнэллу еду.

– Ладно, – подобная предусмотрительность местной власти меня уже не удивляла, в недоумение вводило иное, – а если что-нибудь произойдёт? Чрезвычайная ситуация?

– Не может быть никакой чрезвычайной ситуации, – отрезал Раджер с уже знакомой мне убеждённостью. – Система

безопасности на таких участках отработана в совершенстве.

– Хорошо, допустим, до тюремщика заключённый не доберётся, – приняла, спора ради, точку зрения оппонента я. – А если он сбежит? Найдёт способ открыть дверь камеры? Сам, или с посторонней помощью? Что тогда?

– Вот именно: что тогда? – эхом повторил Раджер. – Выход из тюрьмы далеко, подкопа не сделаешь. Дальше ему пришлось бы идти по коридору, а там снимается чуть ли не каждый миллиметр. При любой ситуации, выходящей за рамки обыденного, дежурному подаётся сигнал. Если ситуация подпадает под категорию чрезвычайной – скажем, компьютер фиксирует угрозу человеческой жизни, – автоматически включается сирена.

– А если он ударит кого-нибудь местного по темечку, оттащит в камеру, а сам переоденется в униформу? – не унилась я.

Строго говоря, это было уже не заступничество, а эдакая логическая игра, головоломка, в ходе которой я пыталась найти брешь в системе защиты. Признаю, что меня слегка занесло, но, впрочем, с кем не бывает?

– Компьютер распознаёт лица. – Наверное, я – не первая, кто приставал к охраннику с подобными дурацкими вопросами. Во всяком случае, вид у него был почти скучающий. – Ты у него в базе данных, как и я. А вот Макнэлл...тоже в базе данных, но совсем в другом качестве.

– Но ведь система распознавания лиц пока несовершен-

на, – попыталась сделать последнюю попытку я, уже понимая, что безнадежно проигрываю.

– Не совершенна, но и не плоха, – не впечатлился аргументом Раджер. – И потом, выход из тюрьмы – рядом с будкой охраны и только посредством проверки отпечатка пальца. Как он обойдет все эти ограничения?

Тут я не нашлась, что ответить.

Вернувшись к себе, я направилась прямым ходом к ноутбуку, забыв даже разуться или заказать у умного дома свет в гостиной. Ограничилась зеленоватым сиянием лампы, которую компьютер включил автоматически, едва засек моё появление в комнате. Из плоского и голографического режима выбрала первый. Последние исследования медиков подтвердили то, что я интуитивно чувствовала уже давно: чтение более полезно для глаз в двухмерном изображении. Голограммы следует приберечь для фильмов, общения, игр, виртуальных карт и прочих визуальных программ.

Далее подключилась к НЗС, глобальной ново-земской сети. Можно было выбрать и межпланетную, но за её использование пришлось бы платить, плюс скорость плантернета там не ахти. НЗС же, наоборот, работала как часы, и к ней можно было бесплатно подключиться с любой точки планеты. С любой на- или над-земной точки, строго говоря. Впрочем, в последнее время, в связи с увеличением йелонского туризма, всё больше компаний старались обеспечить доступ

к сети и в подводном мире.

Так или иначе, я сочла, что в данном конкретном случае НЗС будет достаточно. Всё же преступник был гражданином Новой Земли, да и убийство совершено здесь же. Итак, вводим в поисковую строку имя: «Рейер Макнэлл». Подумав, добавила в начале «капитан», чтобы сделать запрос более точным.

Ого, сколько результатов! Арестант явно намного популярнее простых смертных вроде меня. Хотя не исключено, что популярности прибавилось как раз после того, как он стал арестантом. Споры насчёт его виновности велись на ряде известных форумов. Но сначала факты.

Я пробегала текст глазами, сменяя страницы и замедляя темп чтения там, где информация казалась наиболее существенной (и достоверной). Сайт, на котором было написано, что капитан – оборотень, карауливший своих жертв в тёмных переулках, сразу внесла в чёрный список, чтобы подобный бред никогда больше не открывался на моём ноуте. Но было и много более логичного, либо нейтрального. Итак, Рейер Макнэлл, уроженец Новой Земли в третьем поколении, тридцать шесть лет, вдовец, детей нет. Отец, Артур Макнэлл, в течение сорока лет работал механиком на космических кораблях всех возможных видов. Нередко брал сына с собой ещё ребёнком. В пятнадцать лет Макнэлл-младший был официально зачислен юнгой на судно, на котором служил в тот момент его отец. Школу заканчивал заочно, но

аттестацию получил отличную. Впоследствии обучался космопилотированию и прикладной астрономии в Общепланетарном новоземском университете (ОНУ), где в данный момент числилась студенткой и я. Отсрочку на получение степени дала армия, она же оплачивала учёбу. С возраста двадцати пяти лет Макнэлл проходил военную службу на патрульных кораблях. Два года назад возведён в ранг капитана. До недавнего времени служил на звездолёте «Галалэнд».

Я увеличила одну из фотографий, затем перевела изображение в голографический режим. Похоже, с момента, когда был сделан снимок, Макнэлл успел похудеть по меньшей мере на десять кило. Впрочем, на тюремном питании – не удивительно. Морщин здесь практически не было, синяков под глазами тоже, и он был одет в стильную серую форму военного звёздного флота. Словом, образ, хоть и узнаваемый, очень сильно отличался от узника, которого я дважды видела за стеклом камеры.

Ладно, теперь собственно об убийстве. Пятого числа осеннего месяца тишрёя жена осуждённого, Линда Макнэлл, была убита в малолюдном месте выстрелом из эксплоудера. Вариант террористического акта отмечён полицией практически сразу: всего одна жертва, да и оружие прицельное. Алиби у капитана нет. Улики... Объяснения Рейера Макнэлла касательно его местонахождения в момент убийства полиция считает неубедительными... «Галалэнд» должен был покинуть Новую Землю через несколько часов после преступ-

ления, и предполагаемый убийца получил бы возможность избежать правосудия...

Причина убийства – ревность. Отчего-то это безумно меня удивило. Ну, не вязалось с образом встреченного в тюрьме заключённого – и всё тут. Хотя, казалось бы, что может быть глупее? Я совершенно его не знаю, и у меня нет возможности мало-мальски объективно определить, на что он способен, а на что – нет. В сущности, ревность как раз и является одной из основных причин для убийства жены мужем. Или наследство. Или если жена просто надоела за долгие годы совместной жизни. Если честно, то именно последняя причина казалась мне наиболее логичной. Когда человек вечно мелькает у тебя перед глазами, туда-сюда, сюда-туда. Это же с ума сойти можно! Вот если я когда-нибудь кого-нибудь убью, то именно поэтому.

Правда, мне подобное не грозит: для меня брак невозможен по определению. Ну, как «невозможен»? Чисто теоретически можно было бы изображать на людях пару геев. Однополым браком сегодня никого не удивишь. Но где ж найти гетеросексуального мужчину, который бы на это согласился? Да ещё и такого, которому можно было бы довериться. А главное – надо ли искать? Чтобы потом захотелось его же прикончить?

Но ближе к делу. Полиция выяснила, что у Линды Макнэлл был любовник, некий программист по имени Кен Хендрейк. Рейер о неверности супруги знал, согласно

его собственному признанию. И неоднократно высказывал предположение, что именно любовник убил Линду. На этой же версии активно настаивали на форумах его сторонники. Тут, однако, имелась неувязка: Кен Хендрейк покинул планету за день до убийства. Причём оставил предсмертную записку, из которой выходило, что вылет его был путешествием в один конец... Я нахмурилась. Было в этом нечто подозрительное, будто парень заранее знал о готовящемся преступлении и поспешил создать себе алиби. Так или иначе, получилось у него безупречно: совершить убийство эксплудером из космоса он никак не мог. Итог: мужа обвинили в преднамеренном убийстве и посадили в тюрьму на сорок лет. Звания, естественно, лишили.

В задумчивости я слегка повернула голову и тут же чертыхнулась. Режим автофокуса отследил движение глаз и выдвинул на полный экран боковое окошко, на которое случайно упал мой взгляд. Всё-таки не зря в последнее время разработчики стали отказываться от системы айтрекинга в пользу более традиционных сенсорных дисплеев.

Впрочем, всю более-менее достоверную информацию я, похоже, уже прочитала. Дальше пошли домыслы и споры. Я отвернулась от дисплея, и компьютер, отследив этот факт (всё-таки в автофокусе есть свои плюсы), включил экранную заставку. Вздохнув, я поднялась на ноги и подошла к окну. Бесспорно, за последний час я многое узнала о Рейере Макнэлле. Однако понятнее от этого ничего не стало.

Не скрою: мне пришлось чуть ли не силой удерживать себя от порывов отправиться в тюрьму на следующий же день. Мысленно надавав себе по щекам и призвав к благоразумию, я сумела выждать необходимые двое суток, и на место прохождения ПС прибыла в четверг. Правда, немного раньше положенного ушла с занятий. Закончив лекцию в своей основной группе, решительным шагом направилась к лестнице.

Неизменный Раджер сопровождал меня на нижний этаж. Достигнув застеклённой камеры, я развернулась к тюремщику.

– Могу я передать ему средство от ожогов?

Я говорила таким требовательным тоном, что принять это обращение за вопрос было сложновато.

Раджер поджал губы и наморщил лоб, что-то прикидывая.

– Оставить в камере – нет, – сказал он затем. – Но он может воспользоваться лекарством, пока ты здесь. Что за средство?

Под его взглядом я послушно извлекла из внутреннего кармана куртки коробочку с исцеляющей бумагой. Вытянув верхний слой, продемонстрировала тюремщику.

– Ладно, – кивнул тот. – Я передам ему через окно. В конце занятия заберёшь.

– У него хотя бы есть зеркало?

– Что?

Раджер непонимающе нахмурился.

– Зеркало, – повторила я, для наглядности жестикულიруя. – У него ожоги на лице, он не сможет как следует обработать их, не видя. Так, – выражение лица тюремщика, не оставлявшее сомнений в отрицательном ответе на мой вопрос, помогло принять решение, – пустите меня внутрь.

– С какой стати? – напрягся Раджер.

– С такой. Я помогу ему с медицинской процедурой. Да ладно вам! – с нажимом добавила я. – Вы же сами мне говорили, что опасности от него не исходит.

Тюремщик раздумывал ещё секунд пять.

– Ну хорошо, – решил он затем. – Но под твою ответственность. Пояс не выключай.

Он нажал пару кнопок, переводя мой невидимый щит в нужный режим.

– Не буду, – пообещала я.

Добившись того, чего хотела, я была готова стать кроткой и покладистой.

Раджер коснулся пальцем очередной сенсорной панели. Стеклопанная преграда не отъехала в сторону, как я ожидала, а словно впиталась в пол, потолок и боковые стены, предварительно разделившись на четыре части. Стало быть, окно, которое я видела прежде, было вовсе даже не окном. Просто включённый тогда режим убирал стену не полностью, а частично.

Капитан, до сих пор не имевший возможности слышать

наш разговор, удивлённо взирал, как исчезает стекло, а я вхожу в камеру.

– Закрываю, – предупредил Раджер.

Я кивнула, не оборачиваясь. С лёгким шорохом, будто речь шла не о стекле, а об антикварной тюлевой занавеске, стена возвратилась на прежнее место. Не могу сказать, чтобы мне не было страшно. Было. По мозгу мелкой пичугой, залетевшей в комнату и не находящей выхода наружу, металась мысль: «Ненормальная, куда ты полезла?! Он же убийца, и ему терять практически нечего! А если он тебя придушит, покалечит, возьмёт в заложники?».

– Добрый день, – поприветствовала капитана я вместо того, чтобы прислушаться к голосу рассудка.

– Добрый! – с прежним нескрываемым удивлением откликнулся он.

И продолжил рассматривать меня изучающе. Как экспонат Музея космоархеологии.

– Давайте обработаем ваши ожоги, – предложила я, стараясь, чтобы голос звучал максимально уверенно.

– А ты смелый парень, – заметил Макнэлл, склонив голову набок.

– Угу. В учителя другие не идут, – поддакнула я, извлекая из коробочки первый белый прямоугольник.

Бумагой «исцеляющая бумага», конечно, не являлась. Настоящую бумагу вообще днём с огнём было не сыскать. Художники-ценители с огромным трудом и за большие день-

ги доставали драгоценные листы, выпускавшиеся на планете Грин. Но большинство ограничивалось сенсорным творчеством на голографических панелях и прозрачных экранах.

Впрочем, я отвлеклась от главного, и не случайно. Страх быстро отступал, а вот с чувством вины дело обстояло противоположным образом. Чем дольше я смотрела на капитана, тем сильнее колола совесть: надо было приехать вчера. Крупные красные пятна уродовали правую сторону лица – наверное, именно этой стороной он повернулся ближе к Кортону, готовясь принять тарелку. Одно из наиболее крупных тянулось к самому уголку глаза. Хорошо ещё, он что не ослеп наполовину! Ниже кожа была более чистой, только небольшой ожог на подбородке.

Я осторожно приложила бумагу к лицу заключённого. Лист тут же начал сморщиваться и менять форму, подстраиваясь под пятно. Вскоре он уже держался сам, и я смогла убрать руку. Определив свойство и уровень недуга, медикамент начал выполнять свою работу. Я извлекла из коробочки следующую порцию. Капитан вёл себя спокойно, моим действиям не мешал.

– Зрение не пострадало? – всё-таки решила уточнить я.

– Глаз в порядке, – слегка поморщившись, видимо, от воспоминания, ответил он.

Я перешла к третьему куску бумаги. Для лица – последнему, но оставался ещё один ожог на шее.

– Как насчёт занятия? – поинтересовался Макнэлл.

– Разок можно и обойтись, – хладнокровно констатировала я. – Не думаю, что вы пропустите что-нибудь важное.

В тот момент он промолчал, но когда я закончила, и четвёртый листок приобрёл форму изуродовавшего кожу пятна, заговорил снова.

– Не стоит тебе продолжать сюда ходить, парень. Лучше оставайся там, наверху. Это, – он на миг опустил взгляд на упаковку, которую я ещё не успела убрать в карман куртки, – всего лишь один случай, не самый худший. Останешься здесь – насмотришься всякого. А тебе оно не надо. Молодой ещё слишком, да и не из того теста сделан.

– Ну, с этим я сам определюсь, – отозвалась я, совершенно не собираясь следовать его совету.

Убедившись, что необходимое для воздействия время прошло, стала аккуратно снимать бумагу. Ещё несколько дней – и от ожогов не останется следа. Это средство заживляет и более серьёзные повреждения тканей.

– Вы действительно её не убивали? – тихо спросила я, осторожно отводя руку от лица капитана.

Взгляд Макнэлла тут же стал враждебным, а мышцы напряглись.

– Вам известно, почему я нахожусь в этой части тюрьмы? – ледяным тоном полюбопытствовал он.

– Да.

– В таком случае не понимаю цели вопроса. Вы всерьёз ожидаете, что я вот так, между делом, признаю за собой ви-

ну?

– Нет. Простите.

Процедура была закончена, обстановка накалилась, и я не видела причин задерживаться в камере. Раджер отпер её по моему знаку.

Однако отказываться от занятий я не собиралась. И в следующий вторник пришла снова.

Пришла – и чрезвычайно обрадовалась. Тому, что снова прихватила с собой коробочку с медикаментом.

Нет, сначала я ничего не заметила. В момент нашего с Раджером появления Макнэлл занимался тем, что отжимался от пола. Как сообщил мне тюремщик, ситуация вполне стандартная: по-видимому, капитан даже в заключении не желал терять форму. Возможно, продолжал на что-то надеяться, а может, просто стремился таким образом сохранить человеческое достоинство. Трудно сказать: чужая душа – потёмки.

Так или иначе, следы случившегося в моё отсутствие я обнаружила лишь потом, когда заметивший наше появление Макнэлл прервал своё занятие, поднялся на ноги и надел тюремную рубашку. Её рукав был порван; длинный лоскут свисал от плеча до локтевого сгиба. Первым делом я обратила внимание именно на это. Во вторую очередь – на крупный синяк как раз на том участке кожи, который обнажался из-за повреждённой одежды. И, наконец, настала очередь двух наливавшихся синевой гематом на лице. Левая скула и подбородок.

Возмущённо зыркнув на полного невозмутимости Радже-ра, я не стала никак комментировать увиденное, лишь холодно попросила снова впустить меня внутрь. На этот раз не испытывая в связи с таким решением ни малейшего страха. Хотел бы Макнэлл что-нибудь со мной сделать – сделал бы в прошлый раз.

– Что это? – коротко спросила капитана я, даже не удосужившись поздороваться, зато сразу же потянувшись за целебной бумагой.

– Допрос.

Он оставался почти так же невозмутим, как Раджер. Складывалось впечатление, будто меня одну выводит из равновесия происходящее на этом этаже. В некотором смысле так оно и было: оба присутствующих мужчины успели привыкнуть к здешним реалиям. Разумеется, капитану не было, да и никак не могло быть, всё равно. Однако происходящее ни капли его не удивляло. Наверняка злило, вероятно ввергало в отчаяние, но не вводило в то состояние шока и недоумения, которое преследовало меня.

– Здесь, в камере, я так понимаю? – уточнила я, подразумевая тот факт, что именно в этой части тюрьмы не ведётся видеосъёмка.

– Я вообще выхожу отсюда крайне редко, – подтвердил моё предположение капитан.

К занятиям астрономией мы в тот раз, конечно же, не перешли.

Именно тогда я впервые отчётливо поняла, что не могу оставить всё как есть. Даже в вопросе виновности Макнэлла было нечто второстепенное. Я оказалась не готова мириться с обстоятельствами независимо от того, убил он свою жену или нет. Однако же мне хватило ума не поднимать шум прямо здесь, в тюрьме. Не устраивать скандал, до которого никому не будет никакого дела. Я успела понять, какова негласная позиция местного начальства. Иллюзий касательно обращения к начальству более высокому тоже не питала. Из опыта собственной семьи мне было отлично известно, что такое система, и насколько бессмысленно бывает в подобных случаях выступать против неё таким рядовым новоземцем, как я. Тем не менее, собственный же опыт свидетельствовал, что систему возможно обойти.

Ничего похожего на конкретный план у меня в голове, конечно же, не было. Сказать по правде, первичная идея заключалась лишь в том, чтобы найти кого-нибудь, кто знает больше, чем я, а заодно имеет больше рычагов давления. Естественным стремлением в этой ситуации было связаться с членами экипажа Макнэлла. Именно их поисками я первым делом и занялась, вернувшись домой. Однако меня ждало разочарование: около трёх недель назад «Галалэнд» отправился в продолжительный полёт по заданию ВВС, и возвращение корабля предполагалось не ранее, чем через месяц.

Всерьёз расстроившись, я всё-таки продолжила поиски в

сети.

Глава 4

Нажав кнопку вызова, я замерла у входной двери, в волнении сцепив руки. Сверху на лестничную клетку строго взирал глазок домофонной камеры, а, значит, с той стороны, в прихожей, возникла моя трёхмерная проекция. Вероятнее всего, весьма высокого качества: хозяева дома явно не бедствовали. В материальном плане, я имею в виду. В остальных дела обстояли куда хуже.

Я не должна была сюда приходить. Мне не следовало разыскивать этих людей и вмешиваться в их жизнь. Больше того, я до сих пор не до конца понимала, отчего действую вопреки всем этим очевидным обстоятельствам. Но дело сделано, о своём появлении я уже оповестила, и отступать поздно.

– Здравствуйте.

Одновременно со звуком мужского голоса, слегка искажённым из-за микрофона, на пороге появилось голографическое изображение его обладателя и, по всей вероятности, хозяина дома. Высокий человек крепкого телосложения, не старше семидесяти лет (не так уж много при нынешней продолжительности жизни), он был тем не менее совершенно седым.

– Чем могу быть полезен?

– Добрый день. Прошу прощения за беспокойство, госпо-

дин Макнэлл. Меня зовут Сэм Логсон. Я работаю в 34-й городской тюрьме...

– Входите, – оборвал меня голос прежде, чем я успела изложить причину своего визита.

Голограмма исчезла в один момент, будто её никогда не существовало, а дверная панель отъехала в сторону.

– Проходите, – напряжённо повторил всё тот же седовласый мужчина, только на сей раз не спроецированный, а реальный.

– Благодарю вас.

Я вошла в небольшую прихожую, за которой открывался вид на гостиную.

– Что с нашим сыном?

В голосе хозяина дома хрипотцой отразилось волнение. В очередной раз кляня себя на чём свет стоит за этот визит, я поспешила его успокоить:

– С ним ничего не случилось. Он в полном порядке – насколько это возможно, учитывая обстоятельства, конечно. – Пожалуй, благодаря выбранной формулировке даже не так уж и солгала. – Просто так случилось, что я время от времени его вижу, и я подумал – вы захотите получить о нём весть. Не более того.

Поза Артура стала более расслабленной, и он кивнул. А я впервые заметила присутствие при разговоре третьего лица. Женщина, существенно ниже ростом и лет на десять моложе Макнэлла, светлые волосы повязаны синей косынкой.

Скорее всего, мать Рейера. Об этом свидетельствовала и та тревога, с которой она прислушивалась к диалогу. Стояла на расстоянии, у самой стены, ничего не говорила, но ловила каждое моё слово.

– И как он? – спросил Артур.

– В порядке, – повторила я. – Он здоров, одет, обут. Хорошо держится. Занимается спортом, проходит курсы в рамках образовательной программы континентальных тюрем. Свидания ему не позволяют, вот я и подумал... – Я в очередной раз почувствовала, что пришла зря: ведь толком и сказать нечего, так, чтобы и не солгать, и не заставить родителей беспокоиться сильнее прежнего. – Словом, вот более-менее и всё. Я, пожалуй, пойду.

Не глядя Макнэллам в глаза, я развернулась к дверной панели, но хозяин дома меня остановил.

– Подождите. – В его голосе, вопреки моим иррациональным ожиданиям, не было ни неприязни, ни упрёка. Последовавшие за этим слова окончательно выбили меня из колеи. – Пообедаете с нами?

– Ммм... – нечленораздельно промычала я, не зная, что ответить.

Поворот был, прямо сказать, неожиданный, а я, положив руку на сердце, почувствовала бы себя куда как спокойнее, оказавшись с той стороны двери. Но мужчина взирал на меня с не вполне понятной надеждой, а женщина и вовсе умоляюще. И я согласно кивнула.

Мы прошли в гостиную, совмещённую с кухней. Меня посадили за широкий обеденный стол. Подумалось, что за таким должно быть одиноко сидеть вдвоём. Хотя мысль, в сущности, неуместная: даже пока капитан был на свободе, он точно давно уже не жил с родителями, а, стало быть, и пищу принимал в другом месте. Дома с женой, например... М-да.

– Что вы предпочитаете, мясо или рыбу? – заботливо спросила женщина.

От такого гостеприимства мне, ясное дело, стало ещё более неловко.

– Спасибо, это не имеет значения, я всё ем, э...

– Зовите меня просто Луизой.

– Луиза, большое спасибо, я буду есть то, что вы предложите. Я вообще планировал заскочить только на минутку, всё передать и уйти. Наверное, я зря вас побеспокоил.

– Нет-нет, совсем наоборот, – возразил Артур. – Ваш приход для нас очень важен.

Женщина энергично покивала. Она подошла к холодильнику, и на дверце высветились многочисленные квадратики с изображениями продуктов. Овощи, фрукты, упаковки с замороженным мясом, макароны, рыба на сковороде... Луиза касалась нужных ей квадратиков, и соответствующие блюда одно за другим выезжали наружу, предварительно перемещаемые механизмом холодильника в специальный выдвижной ящик. Я обратила внимание на дополнительный рукав, тянущийся от морозильной камеры к духовке. Стало быть,

здесь была возможность запрограммировать кухонную технику так, чтобы еда размораживалась и готовилась без непосредственного вмешательства человека. Удобная система, но недешёвая.

– Вы, должно быть, попали в тюрьму через Планетарную службу? – спросила Луиза, когда тарелки и сотейники уже стояли на столе.

– Да.

Я мысленно похвалила хозяйку дома за проницательность, хотя в целом догадаться было не так уж сложно: всё-таки перед ней сидел (в её представлении) молодой человек самого что ни на есть ПС-ного возраста.

– Служите в сфере охраны? – подключился к разговору Артур.

– Нет. Я преподаю. Веду курс в рамках тюремной образовательной программы.

– Ах, вот оно что. Значит, это вы обучаете Рэя.

Потребовалась пара секунд, прежде чем я сообразила, что Рэй – это собственно капитан, Рейер Макнэлл.

– И что вы преподаёте? – полюбопытствовал хозяин дома.

Я в очередной раз почувствовала себя по-дурацки.

– Теоретическую астрономию, – призналась я после короткой заминки. – Разумеется, как предмет она вашему сыну не требуется. Но в тюрьме у подобных курсов другое предназначение...

– Я понимаю, – серьёзно кивнул Макнэлл-старший, и я

осознала: вдаваться в объяснения действительно не нужно.

Какое-то время мы обедали в молчании. Кусок в горло не лез, и это не имело ни малейшего отношения к вкусовым качествам еды, но я старалась. Отложив вилку, встретила глаза Луизы.

– Скажите... у него потухший взгляд?

Несмотря на всю напряжённость ситуации, мне чем-то невероятно понравился этот вопрос. Было в нём нечто *правильное*, значительно более уместное, чем, к примеру, ожидаемое от матери «Хорошо ли его кормят?».

– Нет, – покачав головой, мягко ответила я. И прищурилась, восстанавливая в памяти облик капитана. Будто включая перед мысленным взором голографическое изображение. – Что угодно, только не потухший. Даже если брать худшее, то скорее злой.

– Злой – это хорошо, – заявил Артур, мрачно глядя на покрывающую стол скатерть.

– Он отлично держится, – добавила я. – И не признаёт себя виновным.

– Он невиновен, – убеждённо кивнула Луиза.

– Потому что не способен на убийство? – уточнила я.

Признаюсь, этот вопрос я задала с ноткой снисходительности. Конечно, родители всегда примут сторону своего сына, вот только ни для суда, ни для меня лично их точка зрения не играла решающей роли. Но, к моему удивлению, мать капитана отрицательно покачала головой.

– Ерунда, – поддержал её Артур. – Каждый человек способен на убийство.

– Вы так полагаете? – удивилась этому заявлению я.

– Уверен. Способен каждый. Вопрос только в том, ради чего. Возьмём хотя бы меня. Я не пойду грабить людей и сворачивать им шеи на большой дороге. Но за свою жену или сына запросто проломлю череп любому.

Он произнёс последние слова столь решительно, что я невольно поёжилась. Хотя и не думала злоумышлять против его семьи. А ещё вспомнился высокий толстяк из моей тюремной группы, с таким неудачным исходом заступившийся за собственную жену.

– А ваш сын...

Мне всё-таки очень хотелось, чтобы Артур развил свою мысль. Слишком велико было желание разобраться, что же случилось с Линдой Макнэлл и причастен ли к этому в действительности капитан.

– Мой сын – военный, – не стал увиливать от объяснений хозяин дома. – Он сам выбрал свою работу. Естественно, он способен убить – при определённых обстоятельствах. Вот только убивать Линду у него не было никаких причин.

– В суде вроде бы шла речь о ревности, – осторожно заметила я.

Артур скривился и махнул рукой, словно скидывал со стола что-то ненужное.

– Убить из ревности можно, когда страстно любишь или

отчаянно ненавидишь, – отрезал он. – А Рэй не испытывал к Линде сильных чувств. Да глупости это всё, Луиза, – добавил он, заметив предостерегающий взгляд жены. – Они его уже списали, хуже разговорами не сделаешь. Они были женаты восемь лет, – продолжал Артур. – Поженились слишком рано, такое моё мнение. Двадцать восемь – не возраст.

– *Ему* было двадцать восемь? – уточнила я.

– Они одногодки, так что обоим. Дальше он постоянно летал, ей это не нравилось... Обычная история. Только святые женщины вроде моей жены выдерживают жизнь с флотскими.

Он устремил на Луизу неожиданно нежный взгляд, какого не ожидаешь от столь твёрдого и прямолинейного человека.

– Лыстец, – закатила глаза та.

– Либо такие же, как мы, непоседы, у которых тоже шило в одном месте, и оттого им легче нас понять, – продолжал Макнэлл. – Линда не относилась ни к тем, ни к другим. Потихоньку каждый стал жить своей жизнью. Если бы один захотел развода, другой согласился бы без лишних вопросов. Там всё было слишком ровно. Никакого повода для убийства.

В молчании, наступившем после того, как он договорил, я тщетно пыталась понять, что же произошло на самом деле. Может быть, я была права с самого начала, и капитану просто надоело, что жена постоянно путается у него под ногами? Но нет, учитывая выдержку Макнэлла-младшего, в это

верилось с трудом. Тем более если он мало бывал дома и имел возможность как следует отдохнуть от семейной жизни. Вот вспышку ревности с его стороны я отчего-то могла себе представить легко. Но если верить Артуру, в данном случае эта версия отпадала...

Луиза ещё немного посидела, сцепив руки, а потом встала и принялась убирать со стола.

– Скажи мне, Сэм... – Такое обращение было несколько фамильярным, но отчего-то не вызвало чувства отторжения. То ли естественно воспринималось в силу разницы в возрасте, то ли просто гармонировало с типажом бывшего космомеханика. – Вы с моим сыном состоите в близких отношениях, ведь так?

Голос он понизил, явно для того, чтобы не услышала жена.

Пронзительный взгляд из-под насупленных бровей сверлил меня, требуя ответа.

Я прикинула, что может означать в данном контексте фраза «близкие отношения», сделала правильный вывод и с чувством выдохнула:

– Нет, конечно!

Артур успокаивающе приподнял руку, покосился в сторону Луизы. Та если и заметила, что у нас происходит нечто выходящее за рамки светского разговора, то виду не подала.

– Я...придерживаюсь традиционной сексуальной ориентации. – Макнэлл не испытывал чувства неловкости в связи с затронутой темой, однако и подбирать подходящие слова

ему, похоже, было нелегко, поэтому говорил он медленно. – И всегда относился к альтернативе с некоторым неодобрением. Вкусы моего сына тоже были традиционными. Однако я не вчера родился и понимаю, что в тюрьме некоторые вещи меняются. И я не стану осуждать за это Рэя. Наоборот. В данном случае я был бы рад знать, что рядом с ним есть близкий человек. Пол этого человека уже второстепенен.

– Уверяю вас, – я приложила ладонь к груди, – моя ориентация столь же традиционна, что и ваша и, несомненно, вашего сына. Просто я регулярно с ним вижусь и невольно проникся к нему уважением. А поскольку свидания ему запрещены, решил зайти к вам...хоть это и против правил.

Артур кивнул, принимая мой ответ. Между тем к нам снова присоединилась Луиза.

– Скажите, можем мы передать Рэю письмо? – спросила она, напряжённо заглядывая мне в глаза.

– Вообще-то нет.

Эти слова дались мне нелегко, но вариантов я не видела. Хотя... Я закусила губу, оценивая собственную идею. Родители капитана покорно ждали моего решения.

– На уроках я имею право использовать карты звёздного неба. И даже могу оставить их заклю...студенту, – быстро исправилась я. – Минутку.

Я вышла в прихожую, где на крючке висела моя сумка, и извлекла оттуда гибкий экран, свёрнутый в тонкую трубочку. Эта модель называлась «единый лист»: на ней нель-

зя было сохранить никаких данных помимо тех, что высвечивались непосредственно на дисплее. То есть, по сути, это была одна-единственная электронная страница. Зачем такие сложности, спросите вы? Например, для экзаменов. Модель позволяла удостовериться, что, помимо разрешённых к использованию формул, студенты не протащат на своём носителе информации никаких шпаргалок. Или, собственно, мой случай. Передать заключённому какой-либо другой гаджет я бы не смогла.

– Прямо написать письмо нельзя, – уточнила очевидное я, разворачивая экран, на котором сразу же высветилась карта нашей звёздной системы. – Но если добавить что-нибудь так, чтобы не бросалось в глаза...

Дальше объяснять не потребовалось. Получив электронный лист, чета Макнэлл удалилась в отдельную комнату. Меня предварительно снабдили чашкой чая и чем-то печёным. Чем точно, не знаю. Аппетита у меня не было.

Вернувшись через некоторое время, они вручили мне экран. Я присмотрелась и уважительно присвистнула.

– Моя жена отлично рисует, – с гордостью отметил Артур.

На карте добавилось ровно две детали. Первая – руки (почему-то я была уверена, что они – женские), как бы обвивающие Новую Землю. Символика – вещь на астрономической карте допустимая, учитывая мифологическую природу многих названий. Вторая деталь – белый парусник, застывший в космосе рядом с нашим вторым по величине спутником,

Истерной.

Не став ни о чём расспрашивать, я просто кивнула и, обменявшись с хозяевами благодарностями, отправилась домой. Послание было, конечно, завуалированным, но, надо думать, сын своих родителей поймёт. Хотя, признаться, белый парусник долгое время не выходил у меня из головы.

– Какого дьявола тебе понадобилось у моих родителей?!

Капитан схватил меня за грудки и встряхнул так, что, казалось, мозги вот-вот высыплются из головы. Раджер этого не видел: я дала ему понять, что в его постоянном присутствии нет необходимости. Занятия я теперь регулярно проводила в камере, всё было спокойно, а в случае необходимости я обещала нажать кнопку тревоги на своём поясе (каковой, впрочем, сегодня не сочла даже нужным активировать).

Однако вместо этого я, тоже разозлившись, схватила капитана за рубашку и оттолкнула с силой, которая, кажется, оказалась для него неожиданной. Хоть и не могла поспорить с его собственной. Дело было не только во вспышке гнева. Просто единственное, чего мне не хватало, так это чтобы Макнэлл ощутил ненароком наличие у меня той части тела, которую я тщательно скрывала. Долгие годы, между прочим. Размер груди был, к счастью, маленьким, первым, к тому же я как следует обматывала её эластичной тканью и никогда не носила облегающую одежду. И уж никак не готова была допустить, чтобы меня раскрыли в результате такой вот

несанкционированной близости.

– Они не видели вас целый месяц! – рявкнула я, воспользовавшись тем, что между нами образовалось расстояние в несколько шагов. Мысли о том, чтобы выбежать из камеры, даже не возникло. – Месяц! Вы хотя бы понимаете, что это такое для родителей? Не получать никаких новостей, жить в полном неведении? Даже на то, что вы живы, всего лишь надеяться?

Капитан не то чтобы проявил признаки раскаяния, но как-то сдулся, опустил руки и явно утратил желание наброситься на меня вторично. Желание, ещё пару секунд назад отчётливо читавшееся у него на лице.

– И что ты им наговорил? – укоризненно спросил он. Недавний гнев ещё догорал во взгляде, но этот огонь не нёс угрозы. Если, конечно, не дать ему новую пищу. – Подробно рассказал, «как у меня дела»? – Губы Макнэлла скривились в подобии гримасы.

– Нет, конечно, – отозвалась я, жестом показывая, что тоже иду на примирение. – Всего лишь сообщил, что вы здоровы и в порядке – ну, насколько это возможно для такого места.

– Что-то в этом есть, – глядя в сторону, хмыкнул заключённый. – Можно даже считать за правду.

– Вот именно.

Отдуваясь, я поправила съехавшую набок куртку. Нет, может, он всё-таки убил свою жену? Случайно, просто пото-

му, что ему не понравилась какая-то её реплика? Впрочем, вряд ли. Эксплоудер он что, тоже случайно с собой прихватил? Для прогулки по магазинам?

Всё ещё сердясь на Макнэлла, я вытащила из сумки карту, развернула и сунула ему в руки. Отведённое на урок время ещё не закончилось, но перспектива добрых четверть часа дуться друг на друга, разойдясь по углам тесного помещения, совершенно не прельщала.

– Здесь сообщение от ваших родителей, – сообщила я и, с помощью как раз возвратившегося Раджера, покинула камеру.

Уходя, я напоследок оглянулась. Капитан сидел на кровати и смотрел, не отрываясь, на развёрнутый экран. Уголки его глаз показались мне влажными.

Следующее занятие прошло как обычно. То есть нормально, без всяких происшествий и без особой напряжённости в нашем с Макнэллом общении. Потом был ещё один спокойный урок. А затем я приняла окончательное решение. Последней каплей стала, казалось бы, мелочь. Во всяком случае, это происшествие нельзя было сравнить по серьёзности ни с вылитой в лицо похлёбкой, ни с недавними боями.

Я заметила, что у капитана закончилось питьё. Его принесли в высоких кружках из какого-то лёгкого металла. Если дать такой охраннику по голове, кружка погнётся, а вот человек не пострадает. Выйдя из камеры, я повстречала Кор-

тона и сообщила ему, что заключённому нужна вода. В ответ услышала злобное «Пусть пьёт из бочка! От жажды не помрёт».

На этом моё терпение закончилось. Нет, я ничего не сказала тюремщику. В открытую я вообще никак не отреагировала на его замечание. Однако решение было принято окончательно и бесповоротно, хотя ещё пару недель назад мне и в голову бы не пришло поступить подобным образом. И когда я пришла к капитану в следующий раз, захватила с собой не только бутылку воды, но и очередной электронный лист, на этот раз девственно чистый.

Дождавшись, когда Раджер, которому, конечно же, было скучно без дела стоять перед камерой по сорок пять минут, ненадолго отлучился, мои пальцы быстро забегали по виртуальной клавиатуре.

«Допустим, ты выбираешься отсюда и с Новой Земли. Попадаешь на один из населённых спутников. Будет ли возможность найти корабль, на котором реально покинуть нашу систему, не заморачиваясь с документами и разрешениями?»

Уже в процессе чтения капитан подозрительно прищурился, но дочитал до конца и лишь после этого поднял на меня вопросительный взгляд. Я кивнула на экран: дескать, сначала ответь, я первым задал вопрос.

Он перечитал текст, затем какое-то время изучающе сверлил меня глазами и наконец лаконично произнёс:

– Предположим.

Не захотел писать – молодец, мало ли чего от меня ждать. Зато я предпочитала именно «эпистолярный» метод. Раз камер здесь нет, то и звук вряд ли записывается, но кто его знает? Бережёного бог бережёт.

Ответ Макнэлла вполне меня устроил, и, забрав у него экран, я принялась печатать дальше.

«Предлагаю сделку. Я помогаю тебе бежать отсюда и даже предоставляю транспорт для перелёта на Митос или Истерну. А дальше ты помогаешь мне перебраться в другую систему. Подойдёт любая планета категории 1 или 2. На худой конец сойдёт 3».

На этот раз он прочитал текст один раз, но очень внимательно. Некоторое время, сжав губы, смотрел в одну точку на электронном листе, уже не читая, а раздумывая над моим предложением. Потом поднял глаза.

– Годится.

Я кивнула.

«Тогда запоминай...»

...Я с трудом удерживала в руках горку из свёрнутых экранов с всевозможными картами, схемами и диаграммами. Как раз в тот момент, когда из-за поворота показался Кортон, одна из трубочек всё-таки слетела на пол. Чертыхнувшись, я остановилась, поглядела на свою ношу, никак не позволявшую освободить руку, и обратилась к тюремщику:

– Поможете поднять?

Немногословный охранник кивнул, наклонился, взял экран и, разогнув спину, положил его поверх моего груза.

– Поосторожнее на ступеньках, – бросил он, направляясь по своим делам.

– Спасибо! – крикнула я ему вслед.

И действительно продолжила идти очень аккуратно, дабы благополучно доставить по нужному адресу экран с ценными отпечатками пальцев.

Глава 5

Раджер почти не присутствовал теперь при уроках, поскольку они снова проводились через закрытое стекло, то есть в абсолютной для меня безопасности. Это была моя инициатива. Я сказала, что одно дело, когда заключённому требуется медицинская помощь, и совсем другое – когда речь идёт о самом что ни на есть стандартном занятии. Дескать, во втором случае причин для риска, пусть даже минимального, я не видела, и продолжать заходить в камеру нужным не считала. К тому же такой вариант существенно увеличивал количество наглядных пособий, которые я могла использовать. В камеру можно было пронести лишь самый простой гаджет, в то время как с этой стороны от стекла допускался прожектор для голографических изображений. Раджера это моё предложение более чем устроило: всё-таки оно лучше соответствовало местным правилам безопасности и оставляло ему массу свободного времени без риска получить от начальства по шее. Так что в последние дни он лишь приводил меня к камере вначале и сопровождал наверх по окончании лекции.

– Сегодня.

Убедившись в том, что поблизости никого нет, я надела на большой палец новую «перчатку», изготовленную на за-

каз по отпечатку Кортонa. Коснулась открывающей камеру панели. Когда стекло втянулось в стены, передала Макнэллу свёрток с одеждой и ещё один, сложенный в несколько раз, предмет. Потом стянула перчатку и тоже вручила ему. Тюремщик с таким уровнем доступа, как у Кортонa, имел возможность открывать камеры своего этажа как снаружи, так и изнутри.

Прибегнув к тому же способу, чтобы вернуть на место стекло, капитан положил передачу под кровать. После этого мы продолжили урок. Внешне – как ни в чём не бывало. По истечении сорока пяти минут вернулся Раджер. Попрощавшись с капитаном точно так же, как и обычно, я ушла вместе с охранником. Воспользовавшись своей привычной перчаткой с отпечатком пальца Сэма Логсона, покинула здание тюрьмы.

Предмет, который я вручила Макнэллу, был одной из секретных разработок моего отца. Своего рода плащ-палатка, изготовленная с использованием метаматериалов, фактически служила надевшему её человеку бронёй. Но не от пуль или лезвий, в отличие от моего пояса безопасности. Плащ защищал от взглядов.

Колдовства здесь, конечно же, не было; применялись исключительно законы оптики и человеческий разум. Встретившись с материалом, из которого была сделана «палатка», лучи света преломлялись и огибали её, в результате чего она становилась по сути невидимой. И тот, кто находился внут-

ри, – вместе с ней. Изменивший направление свет в конечном итоге отражался от совершенно других предметов, и именно их видел человек, смотревший на отцовское изображение.

Было две сложности. Во-первых, палатка отбрасывала тень. Но я надеялась, что никто не обратит на это внимания, да и съёмочные аппараты, настроенные на человеческие фигуры и лица, не отреагируют на невнятный силуэт на полу. Во-вторых, укрытый с головой человек ничего не видел вокруг себя. Если же голову не прятать или, к примеру, оставить прорези для глаз, вся маскировка пошла бы насмарку. Эта проблема была предусмотрена моим отцом, и он снабдил палатку крохотной камерой, транслировавшей на вшитый с внутренней стороны экран картину того, что находилось перед объектом.

Именно с помощью этого предмета, при должной доли везения, капитану предстояло покинуть тюрьму. Но только после планового обхода Кортонна – так, чтобы впоследствии исчезновение заключённого обнаружили как можно позднее. Выйти из здания Макнэллу предстояло с помощью перчатки, которая, обманув компьютер, выдаст его за всё того же Кортонна. Я надеялась, что это хотя бы ненадолго запутает следствие. Мы выиграем время, а тюремщику, хотя бы поначалу, придётся несладко.

Поворот, один квартал, ещё один поворот. Вот я и на нужной улице. Она отличалась от прочих тем, что между са-

модвижущейся дорожкой и стандартным травяным покровом тянулась лента асфальта, на которой были припаркованы многочисленные флаеры. Однотипные, малогабаритные, отличавшиеся друг от друга лишь цветом да незначительными нюансами дизайна. Дальше, метров через сорок, пойдут более дорогие и вычурные модели, но нам шиковать ни к чему. К тому же лишний раз привлекать к себе внимание в нашем положении просто глупо.

Достав из внутреннего кармана биометрическую кредитную карту, поднесла к специальной круглой панели, имевшейся только у наёмных флаеров. Оплату производила со счёта Саманты Логсон – ещё один способ сбить с толку тех, кто станет нас искать. Любая задержка преследователей, пусть даже кратковременная, пойдёт нам на пользу. Одобрительный щелчок оповестил меня, что кредитка принята, и я приложила к тому же окошку большой палец, предварительно сняв перчатку. Отпечаток совпал с показателями карты, и дверцы флаера разблокировались.

Приближающееся шуршание на пустой, казалось бы, улице, привлекло моё внимание.

– Как плащ? – спросила я, распахивая водительскую дверь.

– Шума порядочно, – отозвался голос капитана.

– Не стоит привередничать.

Будет он ещё критиковать отцовские изобретения! Да если бы с разработкой помогало континентальное правитель-

ство, давным-давно бы все недочёты исправили. Так уж сложилось, что последние годы он работал самостоятельно. Но Макнэлла это ни с какой стороны не касается.

– Как всё прошло?

– Нормально, – последовал ответ.

Стало быть, реальных проблем шуршание палатки не создало. Видимо, капитан был достаточно ловок и осторожен. Учитывая его профессию, это ожидаемо.

– Тогда снимай плащ и садись. Лучше вперёд.

Не дожидаясь его реакции, я заняла место пилота. Чуть помедлив, Макнэлл поступил, как я сказала. Правда, усевшись и пристегнув ремень, покосился на меня весьма скептически.

Да, возможно, ему имело смысл лететь во флаере невидимкой. Но я предпочла, чтобы плащ оказался на заднем сидении, и на то было две причины. Во-первых, забраться в кресло, не снимая палатки, – задача нетривиальная. Всё-таки отцовская разработка – не совсем плащ, места занимает порядочно, и её гибкость имеет свои пределы. А во-вторых, мне просто не хотелось, чтобы рядом сидел беглый заключённый, осуждённый за убийство, от которого можно в принципе ожидать чего угодно и которого я даже не могу увидеть. Так я хотя бы выражение лица его сумею засечь, резкое движение вовремя заметить. По той же причине я не посадила его назад.

Судя по многозначительному взгляду и даже лёгкой ух-

мылке, мои мотивы капитану были ясны. Но, впрочем, мне-то какое дело? Я и без того рискую дальше некуда. Не стоит начисто отвергать бдительность по той лишь причине, что Макнэлл может что-то не то обо мне подумать.

– Космопорт Лагардия, – объявила я навигатору, и нажала кнопку взлёта, предоставив дальнейшее автопилоту.

И перебросила капитану длинный лёгкий шарф, какие были в моде на планете Эль Кроз. Такими шарфами зачастую заматывали лицо по самый нос. Появление инопланетянина в космопорту никого не удивит, так что маскировка, пусть и минимальная, сыграет свою роль.

По пути я жалела об одном: от наёмных флаеров невозможно добиться превышения разрешённой скорости.

Тем не менее, до места мы добрались достаточно быстро: минут за сорок. Не без труда, но нашли стоянку на одном из парковочных плато, однако в огромное куполообразное здание, где проходила регистрация на рейсы, не направились. Вместо этого зашагали к ангарам, в которых располагался частный транспорт. Именно там дожидалось своего часа главное отцовское наследство, мой летательный аппарат. Не флаер, а космический катер, предназначенный для полётов на малые расстояния. Топлива в баке хватало, чтобы добраться до любого из спутников Новой Земли. Но не намного дальше.

Управлять катером я не умела. Вернее, была в состоянии вывезти его из ангара, но не владела навыками космических

полётов. Но с этой задачей, как я надеялась, без труда справится Макнэлл.

Разумеется, я платила за то, чтобы летательный аппарат время от времени «выгуливали», иначе он недолго продержался бы в рабочем состоянии. Раз в пару месяцев на нём совершали короткий профилактический полёт. А вчера я договорилась о техосмотре и максимальной заправке.

– Привет, Джо! – Я помахала рукой знакомому парню в форменном комбинезоне технической службы космопорта.

– О, привет, Сэм! – Тот отряхнул руки и направился мне навстречу. – Всё готово. Машина в отличном состоянии, бак наполнили по самое не балуйся.

Потребовалась лишняя секунда, чтобы сориентироваться: «машиной» на жаргоне механиков обычно называли летательные аппараты. Для меня это слово ассоциировалось исключительно с такими приспособлениями, как посудомойка или кофеварка.

– Решил слетать на отдых? – полюбопытствовал Джо.

Я сочла, что наилучшим вариантом будет кивнуть.

– Правильно, – одобрил словоохотливый механик. – Говорят, на Митосе сейчас хороший кинотеатр открыли, 18D. А на Истерне бассейны какие-то заковыристые, с водой из тамошних источников. Вот бы разок посмотреть.

– Наверняка согласишься, – заверила я.

Слетать на спутник – удовольствие не из дешёвых, но для работающего человека раз в несколько лет в целом доступно.

Говоря откровенно, лыжный курорт на Северном континенте не намного дешевле.

Воспользовавшись пультом дистанционного управления, Джо открыл нужный ангар, и мы с хранившим молчание капитаном без лишних проволочек прошли внутрь.

– DR 388? – не то спросил, не то констатировал Макнэлл, когда мы остались одни.

– Он самый, – подтвердила я, поднимаясь по паре встроженных ступенек, чтобы заглянуть в багажный отсек.

Как и предполагалось, там было пусто, если не считать стандартного набора инструментов и обыкновенного вида спортивной сумки, которую я наспех сложила с вечера и заранее завезла сюда.

– Возьмёшься? – на всякий случай уточнила я, имея в виду управление.

Всё-таки модель старая, хоть и надёжная.

– Конечно.

Вот и отлично.

Макнэлл распахнул дверь со стороны пилота, легко вскочил на подножку и забрался внутрь. Я села со второй стороны, предварительно закинув в багажный отсек прихваченную из флаера палатку-невидимку. Заодно извлекла из бардачка заранее припрятанный компактный бластер Джилл-32 и пристроила себе на пояс. С собой в тюрьму-то его было не взять: не пропустили бы. Точнее, заставили бы сдать оружие охране и вернули бы на выходе. Всё ничего, но стоило

ли привлекать к себе лишнее внимание? Обычно ведь Сэм Логсон оружия не носил. Хотя бластер хранился у меня уже давно, и стрелять я из него умела. Да и покажите мне того, кто бы не умел. Кто из нас, мальчишек четырнадцати-шестнадцати лет, не торчал часами в голографических тирах?

Не теряя времени, мы выехали из ангара. Дверь за нами автоматически закрылась, будто предупреждая: обратного пути нет. Было очень тревожно. Я не знала, обнаружили ли в тюрьме отсутствие заключённого, и если да, то когда именно. Минуту назад? Или, в силу какой-нибудь нелепой случайности, сразу же после того, как он вышел за ворота? И догадались ли они уже, кто помог Макнэллу с побегом? Я надеялась, что поначалу подозрение падёт на Кортон. Как-никак, капитан бежал, воспользовавшись отпечатком пальца тюремщика. Перчатки вроде моей были большой редкостью, так что поначалу местное начальство должно было решить, будто Кортон лично открыл капитану дверь. Угрызений совести из-за такой подставы я не испытывала, лгать не буду. Во-первых, в конечном итоге обстоятельства побега всё равно прояснятся (в конце-то концов, именно Сэм Логсон, а не Кортон, исчезнет с планеты и больше на службе не появится). А во-вторых, после всего, что мне довелось увидеть и узнать, конкретно этого тюремщика, ей-богу, было не жаль. Вот перед Раджером я бы чувствовала себя виноватой – ну, так и не случайно я выбрала для своих целей отнюдь не его.

Совершенно непривычное ощущение: не лететь по воз-

духу, а ехать, трясясь, по земле. Но капитан управлял катером уверенно. Мы добрались до нужной полосы и встали в очередь, состоявшую главным образом из такого же частного транспорта. Я сжала зубы, напряжённо вглядываясь в вереницу катеров, ожидающих разрешения на взлёт и номера предоставляемого им воздушного коридора. Стоит упомянуть, что окон в DR 388 предусмотрено не было. Их заменяли четыре экрана, на которые с камер в онлайн-режиме транслировалось изображение происходящего снаружи – впереди, сзади, справа и слева.

– DR 388, номер 387-999-582, – объявил по каналу связи космопорта голос автодиспетчера. – Пожалуйста, выведите на дисплей ваши документы и документы на космический катер.

Это была стандартная процедура, так что я испытала чувство облегчения. Мы медленно, но верно продвигались к цели. Нажатием нескольких кнопок предоставила компьютеру космопорта дистанционно проверить электронную документацию, каковая была в полном порядке.

И снова сомкнула челюсти, а заодно сжала кулаки, увидев, как в один из катеров впереди взобрался, дождавшись открытия двери, местный проверяющий. Человек.

Такие проверки проводились регулярно, а транспорт, который им подвергался, выбирался случайным образом. В итоге никто из вылетающих не мог знать, заглянет к нему пограничник или нет, и соответственно всем приходилось к

этому готовиться. И следить за соблюдением правил. В чём, собственно, и заключалась цель службы безопасности космопорта. Вот только нам сейчас такая проверка была совершенно ни к чему. Это мягко говоря.

Я покосилась на Макнэлла. Он смотрел в одну точку на демонстрирующем, что происходит впереди, экране, и явно тоже нервничал. Скулы обострились, взгляд стал жёстким, руки застыли в непосредственной близости от панели управления.

Только бы пронесло. Только бы пронесло.

– DR 388, номер 387-999-582, – повторно вызвал нас диспетчер. – Приготовьтесь к таможенному осмотру. Это стандартная процедура, среднестатистическая продолжительность – пять минут. Предполагаемое время ожидания – три с половиной минуты. Пожалуйста, подготовьте все документы и предъявите их служащему космопорта.

Не пронесло.

Выругавшись сквозь зубы, я повернулась к Макнэлли.

– Перебирайся в багажный отсек и надень плащ. Скорее всего, они захотят туда заглянуть.

Он помешкал лишь секунду – кажется, хотел что-то спросить, – но затем, согласно кивнув, отстегнул ремень. Стоя, ему пришлось слегка пригнуть голову: потолок катера был низковатым. Капитан обошёл кресло пилота, добрался до задней двери и, безошибочно отыскав нужную кнопку, заставил дверцы багажного отсека разъехаться в стороны. Я

только успела увидеть, как он наклоняется к палатке, и багажник снова закрылся.

Тоже отстегнувшись, я перекочевала с пассажирского сиденья на место пилота и пошире раскрыла свою сумку. К визиту следовало подготовиться.

Баночка с мазью нашлась не сразу: слишком много вещей. С третьей попытки я всё-таки откопала её на дне сумки, свинтила крышку и стала быстрыми движениями наносить коричневую массу на лицо. Выждать положенное время не рискнула, будем надеяться, что сойдёт и так. Теперь флакон и кусочек ватки.

Когда маска была благополучно спрятана, наступило время второй стадии преображения. Эх, не умею я как следует накладывать косметику: практики нет. Утешало одно: время было в таком дефиците, что даже профессионал на моём месте мало что бы успел. Так что я ограничилась парой штрихов, доступных дилетанту: быстро мазанула по губам помадой, пробежалась кисточкой с румянами по щекам. И напоследок взъерошила короткие волосы, обычно приглаженные.

Вежливый стук в дверцу катера прервал приготовления. На боковом экране возникло изображение светловолосого мужчины в синей форме.

– За...

Я собиралась предложить ему войти, но оборвала себя на полуслове. От осознания ошибки, которую я чуть не совершила, прошиб холодный пот. Я спешно сжала заклёпку на

высоком воротнике – якобы модный аксессуар, а в действительности – миниатюрный аппарат, искажающий голос (в моём случае – преобразовывающий его в мужской). Облегчённо выдохнула. Теперь можно было впускать постучавшегося...надеюсь. Если, конечно, я не забыла что-нибудь ещё.

Несмотря на исправленную оплошность, приглашать его вслух уже не захотелось, и я воспользовалась панелью управления, чтобы просто открыть дверь, располагавшуюся со стороны пассажирского кресла.

– Добрый день! Анри Фернандес, инспектор службы безопасности космопорта, – представился вошедший.

– Здравствуйте.

Я постаралась изобразить приветливую улыбку. Инспектор оказался молодым ещё мужчиной, лет сорока, ростом пониже Макнэлла. В отличие от капитана, он мог стоять внутри катера, не пригибаясь. «Удобно для его профессии», – отвлёченно подумалось мне.

– Чем могу быть полезна?

Я кокетливо заправила короткую прядку за ушко – посмотрела этот приём в каком-то фильме.

Видимо, сработало, потому что выражение лица инспектора сразу стало как-то теплее.

– Могу я посмотреть ваши документы?

– Конечно.

Я протянула ему пластиковый документ на имя Саманты Логсон.

Фернандес взглянул на фотографию, поднял на меня глаза, и остался доволен сходством. Затем поднёс к карточке свой карманный компьютер, просканировал отпечаток пальца, и спустя пару секунд кивнул, видимо, получив по сети подтверждение.

– Теперь, пожалуйста, приложите большой палец правой руки вот сюда. – Он указал мне на середину своего экрана, где высветилось зеленоватое изображение отпечатка пальца.

Я сделала, как было указано. Отпечаток Саманты Логсон в континентальной базе данных имелся – равно как и отпечаток её однофамильца Сэма.

И снова инспектор удовлетворённо кивнул: идентификация прошла успешно.

– А теперь будьте так любезны, поднесите блокнот к лицу и посмотрите вот сюда, – сказал он, протягивая мне устройство.

На сей раз на дисплее красовалось изображение глаза.

Я сглотнула. Руки не поднимались, словно в каждой из них самовольно расположилась невидимая гиря.

– Вы не волнуйтесь, – продолжал говорить инспектор, который, надеюсь, не имел ни малейшего представления о подлинных причинах моего беспокойства. – Это биометрическая технология, совершенно безопасная для здоровья. Мы просто сканируем радужную оболочку вашего глаза. Если такое сканирование уже проделывалось прежде, ваши данные фигурируют в нашей базе, и мы сможем сверить их точно так

же, как в случае с отпечатками пальцев. Если же вы проходите процедуру впервые, мы введём информацию в главный компьютер космопорта, а уже потом оттуда её передадут в континентальную базу данных. И вам не придётся проходить процедуру по второму разу. Вы только выиграете. Всё равно рано или поздно переходить на идентификацию по радужке придётся. Это намного надёжнее, чем отпечатки пальцев.

Надёжнее, тут он был прав. И именно в этом заключалась моя главная сложность. Причина, по которой, как мне в тот момент показалось, весь наш план летел в тартарары. Я так надеялась, что нам не придётся проходить стандартную проверку. Надеялась, но была к ней готова. А вот на использование при проверки нового, экспериментального метода идентификации, мне ответить было нечего. Поскольку вводить эту систему опознавания стали совсем недавно, в континентальной базе данных хранился исключительно скан радужки Сэма Логсона. Того, кто жил полноценной жизнью, выходил в люди, посещал всевозможные конторы, учился в университете и, помимо всего прочего, проходил службу в тюрьме, в системе безопасности которой сканирование радужки уже на сегодняшний день играло немалую роль. Зато Саманта Логсон, все документы которой были подготовлены пару лет назад, свою радужку нигде не «сдавала». И даже надумай она так поступить, ничего хорошего из этого бы не вышло. Ибо, в отличие от отпечатков пальцев, подделывать оболочку глаза никто пока не умел. Поэтому показатели Саманты оказались

бы полностью идентичны показателям Сэма. Как ни крути, а ситуация патовая.

Инспектор ждал. Помедлю ещё немного – и он заподозрит неладное. Пришлось преодолеть себя и всё-таки принять нежеланный компьютер. На какой-то миг соблазн «случайно» уронить оный стал настолько силён, что я почти потеряла способность сопротивляться. А что, быть может, это действительно выход? Аппарат у них тут, конечно, не один, но всю процедуру придётся начинать сначала, с выяснением обстоятельств. Меня уведут в здание космопорта. О существовании Макнэлла они не догадываются, так что у него будут все шансы сбежать, воспользовавшись плащом-невидимкой. А я буду утверждать, что у них в системе какой-то баг, отменю вылет и обещаю отправиться к нотариусу и там заново отсканировать как отпечатки, так и радужную оболочку, сразу же заверив все данные у профессионалов. Никакого преступления я формально не совершила, отпустить должны. Хотя... подведёт меня именно разбитый комп. Вряд ли в подобных обстоятельствах кто-нибудь всерьёз поверит, что я уронила его случайно. Это прозвучит крайне неубедительно.

В последний момент я всё-таки взяла себя в руки. Нечего сдаваться прежде времени. Будем играть до последнего.

И я поднесла мини-компьютер к лицу. Раздался тихий щелчок: камера зафиксировала данные и сразу же отправила их в обработку. Я возвратила гаджет инспектору, с улыбкой

ожидая ответа.

Фернандес посмотрел в экран... Нахмурился... Набрал что-то на виртуальной клавиатуре – возможно, отправил повторный запрос.

– Вы знаете человека по имени Сэм Логсон? – спросил он, поднимая на меня глаза.

Я постаралась изобразить недоумение, развела руками и, хлопая ресницами, высказала предположение:

– Тёзка?

Инспектор кивнул, снова уставился в электроблокнот. Я немного передвинулась в его сторону и встала на цыпочки, чтобы хоть что-то разглядеть на экране. Моя фотография. Точнее, фотография Сэма.

Немного подумав, Фернандес пробежал пальцами по нижней части дисплея и приложил гаджет к уху.

– Алло, Дэн! Привет! Тут опять ерунда какая-то с радужкой происходит!

Из компьютера послышались какие-то пшикающие звуки, наводящие на мысль о ругани. Слов я разобрать не могла.

– Ну да, и я о том же! – согласился с пшиканьем инспектор. – Значит так, смотри, перекидываю тебе данные. Ситуация такая: тут очень милая девушка, – он подбадривающе мне улыбнулся, – путешествует одна, все документы в порядке. Фото, информация, пальцы – всё сходится. А анализ радужки выдаёт другого человека. Да нет, точно не она: там вообще мужчина, прикинь! Я же говорю – бред. По пальцам

женщина, по глазу – мужчина. Что? Совпадение по отпечаткам? 99.8. Ну да, я тоже так думаю. В системе из-за похожего имени вышла путаница. Согласен. Работаем по фото и пальцам. Потом пишем рапорт по всем ошибкам оптом. Угу. Ну пока. До следующего случая!

– Что-то не так? – Я взволнованно подняла брови.

– Да нет, волноваться не о чем, – покачал головой Фернандес. – Это система с радужкой – новая, только начинает вводиться. Поэтому багов пока порядочно. А то, что вы – не мужчина, видно невооружённым глазом.

– Да уж, это точно, – нервно рассмеялась я.

– Так что всё в порядке, – закруглился инспектор. – Прошу прощения за потраченное время, такая работа. Диспетчер сообщит вам номер коридора для вылета. Желаю хорошего путешествия.

– Благодарю вас. До свидания!

Когда дверь за проверяющим захлопнулась, я обессиленно прикрыла глаза. Похоже, самое опасное позади. Да здравствует человеческий фактор!

Но сильно расслабляться не следовало. Вновь схватившись за сумку, я принялась за восстановление мужского облика. Хорошо, что Макнэлл не слышал нашего разговора с инспектором. Багажный отсек закрывается герметично. Дополнительная защита на случай аварии: даже если отсек будет повреждён, у пилота останется шанс довести корабль до ближайшей планеты. Но главное в нашем случае – то, что

перегородка, помимо всего прочего, звуконепроницаема.

Когда маска была на месте, а волосы – приглажены, я перебралась в пассажирское кресло и открыла дверь багажника.

– Можешь выходить!

Сначала я ничего не увидела, затем Макнэлл частично появился из-под плаща.

– Всё в порядке? – уточнил он.

– Да. Проверка документов прошла благополучно.

– Что-то долго. Были проблемы?

Капитан устроился в кресле пилота и пристегнулся.

– Ничего заслуживающего внимания, – туманно отозвалась я.

Он бросил на меня прищуренный взгляд, явно заметив специфику формулировки, но заострять на этом внимание всё же не стал. Сама я, понятное дело, давать объяснения тоже не стремилась.

– DR 388, номер 387-999-582, – снова раздался голос диспетчера.

На миг я замерла, не позволяя себе даже дышать. Что нам сейчас скажут? Отпустят с миром или велят съехать с трассы, а затем проследовать за работниками службы охраны космопорта?

– Ваш коридор – номер 12. Желаем вам приятного полёта.

Шумно выдохнув, покосилась на Макнэлла. Тот, кажется, тоже пережил несколько не самых приятных секунд, но те-

перь активно готовился к взлёту. Пальцы уверенно перескакивали с одного выключателя панели управления на другой.

Катер снова пришёл в движение. Мы совсем немного проехали по земле, а затем поднялись в воздух.

– Ну, вперёд! – одними губами проговорил капитан, сконцентрировав внимание на экранах.

А я впервые увидела в выражении его зрелого, утомлённого лица что-то мальчишеское.

Глава 6

Экраны поглотила чернота космоса, пронзённая миллиардами звёздных светлячков. Ничто не свидетельствовало бы о том, что мы пребываем в движении, если бы не Новая Земля и её спутники, три из которых попадали сейчас в зону обзора. Один из них, равно как и сама планета, заметно уменьшился в размерах, в то время как два других, напротив, успели увеличиться. Митос и Истерна. Две обитаемых луны, на первую из которых мы держали курс. Освободившись от ремней, я встала с кресла, разминая плечи.

– Во время полёта на катере не рекомендуется отстёгиваться без крайней необходимости, – заметил Макнэлл, поднимая голову.

– Есть необходимость, – отозвалась я, направляясь в крохотный туалет.

Не так чтобы это действительно было срочно, но сразу садиться я всё равно не собиралась. Ещё не хватало, чтобы кто-нибудь мной командовал. К тому же очень хотелось курить, а пройдясь по отсеку, я хоть немного отвлеклась, даром что здесь было чрезвычайно тесно.

Вернувшись, я всё-таки заняла пассажирское место: больше делать, как ни крути, было особо нечего. Поглядела на экраны. Никаких изменений, что, собственно, совершенно ожидаемо. Хотя... То ли мне кажется, то ли Митос сместил-

ся на картинке немного влево. Вроде бы всё это время он оставался прямо по курсу. Хотя мало ли какое скопление астероидов могло заставить катер скорректировать маршрут. Я неспешно повернула голову ко второму креслу... И замерла, чувствуя, как деревенеет всё внутри.

Прямо мне в лицо смотрело крошечным глазком дуло бластера. Гадать, откуда у капитана могло за такой короткий срок взяться оружие, было глупо. Ответ давала неожиданная лёгкость, которую я ощущала в районе правого бедра. Опустив глаза, я удостоверилась в очевидном. Моего собственного лазерного пистолета на месте не было.

Я вновь подняла глаза, стараясь на сей раз играть в гляделки не с дулом оружия, а с человеком, его державшим. Взгляд капитана был решительным и твёрдым, как скала. Взгляд человека, имеющего план и твёрдо уверенного в том, что он делает.

Я впервые полноценно осознала, насколько прав был его отец, говоря о том, что Макнэлл-младший способен на убийство. В данный момент я читала эту способность в его глазах. И самым неприятным было то, что объект для убийства на катере имелся только один – я.

Я невесело усмехнулась. Конечно же, мне не было смешно. Но трудно сохранять непроницаемый вид и молчание, ожидая, что в любую секунду тебя пронзит насквозь лазерный луч.

– А знаешь, я с самого начала этого опасался, – призналась

я, сама толком не понимая, почему продолжаю говорить о себе в мужском роде. Казалось бы, именно сейчас упрямо сохранять свою гендерную тайну было бессмысленно. – Что как только я стану не нужен, ты от меня избавишься.

– Что же ты пошёл на это, если с самого начала знал, чего ожидать от уголовника? – удивился он.

В словах Макнэлла прозвучал вызов, в глазах мимолётно отразились не до конца понятные мне эмоции. Что-то в нашем обмене репликами ему не нравилось, но вот что именно, я бы определить не смогла.

– Понадеялся, что люди бывают разные, – отрезала я.

Капитана такая версия не устроила.

– А мне кажется, у тебя были на то другие причины, – возразил он.

Дуло бластера чуть опустилось, и было теперь направлено не на моё лицо, а скорее в район груди. В таких обстоятельствах начинаешь ощущать себя невероятно уязвимым. Уверенность в завтрашнем дне, вера в себя и собственную способность решать проблемы, – всё это осыпается наземь нелепой шелухой в момент, когда чужая рука готова спустить курок простейшего, казалось бы, металлического предмета.

– Теперь признавайся, – чётко проговорил капитан, буравя меня не ненавидящим, но строгим и внимательным взглядом, – с какой целью ты организовал этот побег.

– Мне казалось, цель предельно ясна. – Я старалась говорить спокойным, даже отстранённым тоном, и тоже доста-

точно жёстко. – У нас была сделка. Я доставляю тебя на катер – и, заметь, свою часть плана я выполнил до последнего пункта. Твоя задача – довести катер до спутника и затем помочь мне переправиться за пределы нашей звёздной системы. Мы обо всём заранее договорились. Что же теперь не так? Не хочешь оставлять ненужного свидетеля?

– Хочу немного пересмотреть факты, – не согласился с моей интерпретацией Макнэлл. – На кого ты работаешь, Сэм? – спросил он, хмурясь и ни на секунду не отводя от меня глаз. – На службу безопасности тюрем? Или стоит брать выше? Полицейское управление по особым расследованиям? Континентальное министерство безопасности?

– А почему только континентальное? – саркастически пробурчала я. – Почему не межпланетное?

– Это непринципиально. – Шутку он не воспринял во все. – Так на кого ты работаешь?

Я закатила глаза. Ответ был только один, и явно не тот, что искал допрашивающий.

– ПС. Планетарная служба, – расшифровала я, хотя устойчивое сочетание согласных в расшифровке не нуждалось. – Даю уроки астрономии заключённым. Больше ни-ко-му не служу и ни-на-ко-го не работаю.

Не могу сказать, чтобы его взгляд был прямо-таки полон недоверия. Логичнее было предположить, что Макнэлл и сам не знает точного ответа, а потому твёрдо намерен докопаться до истины.

– Сделаем так, – предложил он. – Я изложу тебе своё видение ситуации. А ты потом скажешь, в чём я был неточен или неправ. Идёт?

– Идёт, – согласилась я.

В целом то течение, которое принимал разговор, мне нравилось больше. Вот только продолжал основательно нервировать вид направленного на меня бластера.

– Тебя с самого начала подослали, чтобы за мной следить. – Он даже говорил, как будто стрелял, – выверенно, не прерывая визуального контакта, стараясь попасть в цель каждым словом. – Лекции были прикрытием, причём не слишком убедительным: при моей квалификации обучать меня астрономии, мягко говоря, смешно.

– Ты сразу же проверил меня на профпригодность, – напомнила я.

– Допустим. Но было бы глупо совсем к такой проверке не подготовиться, – парировал капитан.

– Целебную бумагу я тоже принёс по рекомендации службы тюрем? – едко осведомилась я.

– Игра в доброго и злого полицейского стара, как мир, – отклонил аргумент Макнэлл. – К тому же уже тогда ты попытался подбить меня на признание, поинтересовавшись, действительно ли я убил Линду.

– Я поинтересовался, действительно ли ты её *не убивал*.

– С семантической точки зрения это одно и то же. Однако добиться признания так и не удалось, и ты перешёл к следу-

ощему рычагу давления – моим родителям.

– Я...

Он не дал мне договорить, и хорошо: я всё равно не видела смысла повторять то, что уже было сказано и, по-видимому, в любом случае не будет принято Макнэллом на веру.

– Поняв, что стандартными мерами ничего не добиться, вы решили устроить мой побег.

– Зачем???

– Доказать, что я не законопослушен. На Митосе нас, конечно же, поджидает отряд захвата. А после попытки побега, практически на глазах у всего честного народа, моя репутация окончательно будет испорчена. В глазах многих сбежал – значит, виновен. В том, что решение суда справедливо, никто уже не усомнится. И моё нежелание сознаться в преступлении перестанет иметь значение. Вот только одна беда. – Его глаза сощурились ещё сильнее, отчего от век книзу заструились морщинки. – Я изменил курс.

– Только не говори, что мы возвращаемся в тюрьму с повинной! – простонала я.

– Нет. – Капитан посмотрел на меня с интересом: такая реакция явно отличалась от его ожиданий. – Я не для того поддался на провокацию, чтобы добровольно вернуться в замкнутый круг. Мы летим на Истерну.

Я пожала плечами. Местоимение «мы» внушало некоторый оптимизм; вот если бы Макнэлл сказал «я», было бы впору впадать в панику. Что же касается выбора спутника,

я с самого начала удивилась, когда он выбрал Митос. Ведь именно рядом с Истерной его родители изобразили парусник. По моим предположениям, этот рисунок обозначал корабль, в действительности – космический. То есть у капитана имелся какой-то способ улететь, и не откуда-нибудь, а с Истерны.

– Как мне следует истолковать твоё спокойствие? – как ни странно, тоже довольно-таки спокойно поинтересовался Макнэлл. По-моему, он даже бластер держал уже не так крепко. – Наряд полиции поджидает нас и на втором спутнике?

Я зло возвела глаза к низкому потолку.

– Может, и поджидает! Откуда мне знать, как скоро тебя хватились и что успели предпринять? – огрызнулась я. – Отследили ли наш путь до космопорта? Поняли ли, на каком транспорте мы улетели? Ставка была на неожиданность и скорость.

Очень хотелось обвинить капитана в том, что он тратит драгоценное время на всякую ерунду, но... будем откровенны: пока мы не доберёмся до места, разговоры никак не изменят скорость нашего передвижения.

– В любом случае, если нас на Истерне поджидают, то посадят не тебя одного, – мрачно завершила я.

– Зачем же ты пошёл на такой риск? – полюбопытствовал капитан, склонив голову набок и посмотрев на меня искоса. – Почему помог мне бежать с планеты?

– Доброе утро! – саркастично произнесла я, закатив глаза. – Не ты ли только что так подробно объяснял, зачем мне это понадобилось?

– Допустим, я кое-где перегнул палку.

Макнэлл предложил этот вариант, не принося извинений и не испытывая даже малейшего чувства неловкости. Вот ведь зараза!

– Уж точно не ради того, чтобы поучаствовать во вселенском заговоре против твоей персоны, – искренне ответила я.

Не знаю, почему, но вполне естественная мера предосторожности со стороны капитана здорово меня задела.

А вот Макнэлла мой ответ мало расстроил.

– Тогда зачем?

Настойчивости ему было не занимать.

– Затем, что я ненавижу Новую Землю, – осклабилась я, раскрываясь сильнее, чем планировала изначально. – Ненавижу эту планету, и Южный континент, и объединённое правительство. Я хотел убраться отсюда как можно дальше, и прах земли стряхнуть со своих ног. Я был готов лететь куда угодно, лишь бы прочь от этой звёздной системы. Пусть к людям, пусть к нелюдям: я без предрассудков, лишь бы у них была хотя бы совсем небольшая человеческая диаспора. Я согласен начать новую жизнь где угодно, и именно в этом заключалась моя часть условий: ты доставляешь меня на подходящую планету. Всё. Ничего больше мне не было нужно.

Только сейчас я заметила, что за время моей тирады Мак-

нэлл и вовсе опустил бластер, даже не пытаясь теперь мне угрожать.

– Мутный ты, – неодобрительно покачал головой он. – Что-то с тобой, парень, не так, понять бы только, что.

«То, что я не парень».

– Сам-то, можно подумать, не мутный, – перевела стрелки я.

Тоже, кстати сказать, совершенно искренне.

– Будешь смеяться, но долгое время люди из моего окружения были твёрдо убеждены, что я чист и прозрачен, как стёклышко.

– На стёклышко легко накапать какой-нибудь краски, после чего оно резко перестаёт быть прозрачным, – заметила я.

– Похоже, именно так кто-то и поступил, – признал он, но больше обсуждать свою персону не стал, вместо этого вновь возвратился к моей. – Хоть в общих чертах сказать можешь? Чем тебе не угодила Новая Земля?

Я колебалась. По-хорошему, не его это дело, однако бластер в правой руке – неплохой аргумент. К тому же сама-то я тоже, мягко говоря, успела покопаться в биографии Макнэлла, и тоже вряд ли к его радости.

– Они убили мою мать.

Капитан удивился, это абсолютно точно. Но, видимо, у меня на лице было написано: подробности не вытянешь даже клещами. Во всяком случае, расспрашивать дальше он не стал.

– Если бы мою мать тронули, я бы тоже послал планету к чертям, – неожиданно признался он затем. – Скорее всего – предварительно оставив за собой несколько трюпов.

«А если бы тронули жену?» – чуть не сорвалось с моих губ.

А заодно вспомнились слова Макнэлла-старшего: «за свою жену или сына запросто проломлю череп любому».

Меж тем младший разрядил бластер, вытащив из него батарею, и положил бесполезный в таком виде пистолет в бардачок.

Радоваться я не спешила, даже наоборот, основательно напряглась, ожидая подвоха.

– И что теперь? – осторожно осведомилась я, покосившись на дверцу ящика, за которой скрывалось моё оружие.

– Доберёмся до Истерны, пересядем на другой корабль, и я высажу тебя на ближайшей обитаемой планете. Как договаривались.

– Ты же считаешь, что я из полиции?

– Я передумал.

– Бррр. – Я схватилась руками за виски. – Что я такого сказал, чтобы ты изменил мнение?

По-хорошему, этого спрашивать, конечно, не следовало: изменил – и ладно. Но слова сами сорвались с губ прежде, чем я успела задуматься об их нецелесообразности.

Макнэлл усмехнулся.

– Скажем так: я доверяю своей интуиции. Кроме то-

го...если нас поджидают на Истерне, мне всё равно некуда деваться, верно? На этой игрушке, – он бегло оглядел внутреннее убранство катера, – далеко не улетишь.

И капитан подмигнул мне, опять по-мальчишески весело, из чего я сделала вывод, что он настроен на более благоприятное развитие событий. Или умышленно себя настраивает. И это, пожалуй, правильно. Во всяком случае, что ещё остаётся при сложившихся обстоятельствах? Только держать курс на спутник, периодически проверять работу автопилота, и надеяться, что по прибытии нас ожидает нечто лучшее, чем десяток полицейских бластеров.

Я пристегнулась и некоторое время просто смотрела на экраны, где звёзды блекли, а затем и вовсе исчезали по мере приближения к крупным небесным светилам. Эти небесные тела в действительности уступали в размерах любой звезде, но в нашей части космоса именно они правили бал. Истерна, Митос и Новая Земля, в сущности, совсем небольшая планета. С двумя материками и чужеродным ей населением, которое слишком плохо умеет ценить то, что имеет. А то, что не ценишь, рано или поздно теряешь. И дальше становится уже неважно, осознал ты собственную ошибку или нет.

– Я как-то видел документальный фильм про интуицию.

Даже не знаю, зачем я это сказала, уцепившись за слово, произнесённое несколько минут назад. Разрядить обстановку? Поддержать капитана? Помочь себе самой, дав спутнику понять, что он принял правильное решение?

– Так что там про интуицию? – полюбопытствовал Макнэлл, просматривая бегущие по дисплею строки.

Я приподнялась в кресле, чтобы лучше разглядеть текст. Напрасно. В этом сплетении знаков из всех мыслимых и немислимых языков только профессиональный пилот и разберётся. Так что я снова уселась поудобнее.

– Там говорили о том, что она ничем не отличается от логического вывода. Только мы списываем на интуицию те выводы, которые делаем подсознательно. Приводили пример: не нравится мне, допустим, человек. Не доверяю. Интуитивно. На самом деле моё отношение объяснимо и основывается на чертах лица, мимике, жестах. Эволюция научила нас интерпретировать подобные вещи, но мы делаем это автоматически, и сами не можем отследить собственную логику. – Макнэлл слушал внимательно, поэтому я продолжила. – Или другой пример – память. Мы забываем малозначимые (или, наоборот, слишком значимые) события, но это не значит, что они по-настоящему стираются из нашего мозга. Где-то там они всё равно «записаны», и, когда это актуально, дают о себе знать. Такие звоночки памяти мы тоже принимаем за интуицию. Проводили эксперимент – что-то вроде игры «Миллионер». Задавали вопросы, игроки отвечали и кроме того, уточняли, на чём основывается ответ – знания, интуиция, простое угадывание... Выяснилось, что в девяноста процентах «интуитивных» ответов были задействованы те же участки мозга, что при совершенно осознанном, логическом ре-

шении. Ответы были построены на том, что отложилось в памяти, но люди сами этого не осознавали.

– Выходит, интуиции и не существует вовсе? – задумчиво заключил капитан.

Я легонько повела плечом.

– Не знаю. Остаются ведь ещё десять процентов. Может, они и есть настоящая интуиция. А может, и нет. Может быть, наоборот, это всего лишь страх неизвестности, который люди пытаются хоть как-то обосновать.

На панели управления вспыхнул зелёный значок громкоговорителя: катер вошёл в зону связи с Истерной. Лицо Макнэлла сразу же растеряло все признаки мальчишества, приняло выражение абсолютной сосредоточенности и словно окаменело. Переключив пару рычажков, он заговорил, но уже не со мной.

– Истерна, как слышите? Катер DR 388, номер 387-999-582, просит разрешения на посадку.

Когда он успел выучить номер? Конечно, он осматривал транспорт перед вылетом, но такие свойства памяти всё равно не могли меня не впечатлить.

– Говорит Истерна-5, – откликнулся немного искажённый голос диспетчера. – Оставайтесь на связи. Запрашиваю разрешение.

Секунд двадцать мы напряжённо ждали, вслушиваясь в каждый доносившийся из динамика шорох.

Я вглядывалась в переплетение синих, коричневых и зелё-

ных пятен на небесном теле, которое теперь казалось огромным, будто ждала, что картина даст мне ответ на незаданный вопрос. Например, словно в компьютерной игре, на фоне спутника появится изображение вооружённого полицейского. Но, разумеется, луна молчала. Ей не было никакого дела до мелких передряг крошечных существ, надумавших поселиться на её поверхности полторы сотни лет тому назад.

– DR 388, – вновь бодро заговорил диспетчер, – разрешение получено. Ваш сектор – номер три. Следуйте знакам при парковке. Лёгкой посадки и добро пожаловать на Истерну!

– Спасибо, – пробормотал капитан, одновременно отключаясь. – Ну что ж, удачной нам посадки, – сквозь зубы, словно бросая кому-то вызов, процедил он.

Мы вошли в атмосферу спутника. И начали снижаться.

Если прежде при взгляде на экран казалось, что мы не движемся вовсе, теперь постоянно меняющаяся картинка, напротив, создавала ощущение стремительности. Умом я понимала, что на самом деле всё наоборот, что наша скорость за последние несколько минут существенно упала, но всё равно пришлось прикрыть глаза: так трудно было смотреть на уходящую вверх облачную вату и быстро приближающийся космопорт. Однако диспетчер не сглазил: посадка была мягкой, а парковка обошлась без осложнений и пробок.

Мы без труда нашли место на участке, предназначенном для малого частного транспорта вроде моего, после чего я на всякий случай заказала максимальную заправку. Соблюдав-

ший осторожность Макнэлл так и не сказал, как именно мы покинем Истерну, и я решила на всякий случай подготовить дополнительный путь отхода. Хотя много ли это даст? Даже на полностью заправленном катере мы не уйдём дальше Митоса или всё той же Новой Земли. Если здесь для нас уже подготовили тёплый приём, в тех пунктах назначения будет не лучше.

Я внимательно осматривала рейсовые космические корабли, мимо которых мы проходили. Но ни у одного из них капитан даже не замедлил шаг. Дальше следовала зона элитных круизных звездолётов. Для побега способ, мягко говоря, странный, хотя затеряться среди туристов, наверное, реально, да и непредсказуемость в нашем деле скорее плюс, чем минус. Но нет, и эту часть космопорта мы миновали, ни разу не остановившись.

Я следовала за Макнэллом, то и дело поглядывая на свои многофункциональные часы. Здесь, в отличие от открытого космоса, они были подключены к планетарной сети и моментально скачивали все новости. Я настроила их на слово «тюрьма», без которого никак не могло обойтись сообщение о нашем побеге. Всякий раз, как это слово фигурировало в ленте, часы оповещали меня тонким непродолжительным гудком. Я раз за разом вздрагивала, злилась за это сама на себя, и давала команду о звуковом прочтении содержащей ключевое слово новости. Нас зачитанное пока не касалось. Это радовало, но расслабляться тоже не следовало.

В конце концов, власти могли решить не поднимать панику, сообщая гражданами о побеге «особо опасного преступника», профессионального военного, расстрелявшего свою жену из эксплоудера. Так что немного здоровой паранойи являло собой в данном случае нелишнюю предосторожность.

Я как раз прослушивала очередную «бомбу» из информационной ленты и оттого плохо следила за дорогой, когда Макнэлл внезапно остановился. От неожиданности я вполне предсказуемо врезалась ему в спину. Лёгким щелчком поставила часы на паузу, подняла на капитана полувопросительный, полураздражённый взгляд... а затем поняла, что мы пришли.

Пока я отслеживала новости, мы успели добраться до сектора, предназначенного для частных звездолётов. И сейчас, развернувшись на девяносто градусов, я смотрела на один из них. Несмотря на напряжённость момента, я невольно залюбовалась. Стальной корабль вытянутой формы с закруглённой крышей сверкал в лучах уже начавшего опускаться, но ещё яркого солнца. В высоту он был сопоставим с трёхэтажным домом, хотя о внутреннем разделении на уровни и отсеки оставалось, конечно, лишь догадываться.

– Чей это корабль? – спросила я, поворачиваясь к Макнэллу.

– Мой, – просто ответил тот.

Не могу сказать, чтобы такой ответ явился большой неожиданностью. Первое подозрение посетило меня, когда

я получила передачу для капитана из рук его отца. Обнимающие планету руки, вероятнее всего, обозначали родительскую любовь, а вот с парусником дело обстояло сложнее. Мне не верилось, что это всего лишь абстрактный символ, знак свободы, мечты или богатства (хотя все эти интерпретации действительно существовали). Такой человек, как Артур Макнэлл, просто обязан был передать сыну более практическую информацию, пусть даже ему пришлось завуалировать её, используя с этой целью художественные способности жены. А парусник – это ведь корабль, верно? И пусть на Истерне нет морей, зато отсюда регулярно стартуют звездолёты.

Поэтому в данный момент меня куда сильнее занимал другой вопрос.

– На чьё имя он записан?

И ещё – откуда у капитана ВБС деньги на такую игрушку? Но эту мысль я предпочла придержать при себе. Впрочем, ответ, который я вскоре получила, внёс ясность на этот счёт.

– Не на моё, – ухмыльнулся Макнэлл.

Я выжидательно приподняла и вновь опустила брови: дескать, это-то и без слов понятно. Будь корабль официально зарегистрирован на капитана, его бы давным-давно конфисковали. Меня больше беспокоило, не фигурирует ли звездолёт в системе как имущество Макнэлла-старшего.

– Это подарок. – Мой спутник не терял времени и, одновременно с ведением разговора, шагал по направлению к овальному входу. Я старалась держаться с ним в ногу. – На

мой день рождения. Скинулись тогда практически все – мои родители, друзья и даже экипаж.

Я тихонько присвистнула, повторно оглядывая звездолёт, на сей раз вблизи. Капитана должны были очень любить и уважать, чтобы так продуктивно скооперироваться: собрать весьма серьёзную сумму и провести все необходимые в таких случаях бюрократические процедуры.

– От меня всю эту историю до последнего держали в тайне, – продолжал рассказ Макнэлл. – Хотели сделать сюрприз. Зарегистрировать корабль на меня без моего личного участия не могли. Так что его временно зарегистрировали на одного из членов моего экипажа. Поэтому, строго говоря, транспортное средство принадлежит совершенно другому человеку. Вычислить, что я приду сюда, можно, но только по итогам расследования. Словом, у нас всё ещё есть шанс на фору. В новостях нас пока не упомянули, верно? – поинтересовался капитан, демонстрируя таким образом, что он в курсе тех мер предосторожности, которые предпринимала в дороге я.

– Когда всё это произошло? Подарок? – уточнила я.

– Три года назад.

– Три года?!

Я удивилась, что за столь внушительный срок корабль так и не был переписан на имя нового хозяина.

– Строго говоря, два с половиной. – Макнэлл с усмешкой развёл руками. – У меня было слишком много полётов на

корабле ВВС. На то, чтобы устраивать себе ещё и частные круизы, времени не хватало.

– Но ведь всё это время официальным хозяином корабля был кто-то другой! Вдруг этот человек захотел бы присвоить имущество себе? Улететь из системы, ни о чём тебя не предупредив? Или даже... – пришедшее в голову предположение заставило выше вздёрнуть подбородок, – ...организовать что-нибудь такое, что вынудило бы тебя остаться на Новой Земле взаперти и фактически уступить звездолёт тому, на чьё имя он зарегистрирован формально!

Но Макнэлл лишь, улыбаясь, покачал головой: его мои последние аргументы явно ни в чём не убедили.

– Я знаю этого человека очень хорошо, – заверил капитан. – От него подобных пакостей можно не ожидать.

– Где же тогда он был, этот человек, пока ты сидел в тюрьме третьей категории? – хмуро спросила я, кажется, испытав укол ревности.

Уж слишком сильно Макнэлл доверял этому своему знакомцу. Со мной же вечно оставался начеку, при том, что именно я организовала ему побег. Чуть-чуть обидно.

Настал черёд капитана помрачнеть.

– Не знаю, – признался он. – Я получал слишком мало информации. Насколько мне удалось понять, строя выводы из чужих разговоров, поначалу желающих навестить меня было много, но на нижний этаж никого не пропускали. А дальше всё как-то... утряслось.

На его лице опять проступили морщины.

Но в этом конкретном отношении мне, кажется, было чем его успокоить.

– Несколько недель назад ваш корабль – я имею в виду «Галалэнд» – вылетел на задание. Их возвращение ожидается ещё не скоро. Кажется, не в ближайший месяц. – Я немного помолчала, а затем, подняв глаза, высказала свои собственные выводы. – Твой экипаж не был готов смириться с решением суда. Видимо, они подняли много шума, и в итоге от них попросту решили отделаться, спешно отправив в продолжительный маршрут.

– Всё ясно. – Макнэлл смотрел на редкую траву, проросшую на стоянке перед самым трапом, и в душе его, кажется, бушевала буря. В это время он несомненно успел передумать много непривлекательного о своём бывшем начальстве. – Что же, во всяком случае, вот тебе и ответ: формальный хозяин этого корабля вынужденно отбыл в другую звёздную систему на «Галалэнде».

Словно откликнувшись на эти слова, звездолёт замигал алыми огоньками, постепенно очертившими овал входной двери. Видимо, бортовой компьютер отреагировал на голос капитана. Бюрократия бюрократией, но корабль, наподобие боевого скакуна, узнавал своего истинного хозяина отнюдь не по документам.

– Ты не мог бы отойти на несколько шагов? – криво улыбувшись, попросил Макнэлл.

Я пренебрежительно хмыкнула (лишь затем сообразив, что это вышло излишне по-женски), и с гордым видом отступила, даже не на несколько шагов, а на добрую дюжину, тем самым демонстрируя, насколько мне неинтересен капитан и его секреты. Однако моего спутника такое показательное выступление ни капли не смутило. Даже не думая извиняться или хоть как-то обосновывать своё поведение, он приблизился к кораблю практически вплотную и что-то зашептал. Я фыркнула, однако на самом деле, степень моей заинтересованности возросла. Было очевидно, что Макнэлл каким-то образом «отпирает» звездолёт; вероятнее всего, произносит комбинацию цифр или иной пароль. Вне всяких сомнений, у законного хозяина существовал и более простой способ попасть внутрь – например, при помощи дистанционного ключа, – но, ясное дело, в тюрьме арестантам такого рода гаджеты не оставляли.

Автоматическая дверь выдвинулась немного вперёд (капитан заблаговременно посторонился) и поднялась вверх. Следуя приглашающему жесту Макнэлла, я зашагала к призывно зияющему проёму.

Глава 7

Иллюминаторов здесь, как и на моём катере, не было, но освещение внутри корабля было отличное благодаря многочисленным плафонам, автоматически включившимся при открытии двери. Лифтовая платформа доставила нас на второй этаж. Ознакомительную экскурсию мне, понятное дело, не устраивали; я лишь успела понять, что служебный отсек располагался внизу, а командный – наверху, и именно в последний мы сейчас попали.

Просторное, технологически оснащённое помещение с гладкими стенами было оборудовано четырьмя рабочими местами. Похожие кресла с пристяжными ремнями, четыре идентичных широких экрана, встроенные прямоугольники столов. Но и различия между этими местами присутствовали. Кресло пошире других и дополнительный мини-экран предназначались, вероятнее всего, капитану. Самая навороченная сенсорная панель управления, дополненная несколькими рычагами и предметом, более всего напоминавшим игровой джойстик (возникла у меня и другая ассоциация, но не хотелось бы её упоминать), без сомнения, имела прямое отношение к пилотированию. Следующее место также было оснащено сенсорной панелью, а заодно крупными чёрными наушниками и серебристой выпуклостью микрофона. Кроме того, сбоку от панели, под полупрозрачной крышкой сто-

ла виднелись какие-то инструменты и мотки проводов и разноцветных кабелей. Стало быть, предполагалось, что здесь будет работать компьютерщик... Или радист. Или два в одном, учитывая, что в наше время объединение этих функций более чем естественно. Ведь основная часть связи проходит именно через компьютерные системы, к которым имеется доступ на корабле. Что же касается последнего, четвёртого, места, оно практически пустовало, если не считать наиболее базисного оборудования. Да, стол, кресло, готовый к работе экран, но немногим более того.

Наконец, стоит упомянуть, что в просторной кабине без труда могло поместиться ещё человек десять. Вдоль стен располагалось несколько кресел, попроще, чем предыдущие, однако удобные, с высокими спинками, массивными подлокотниками и надёжными ремнями безопасности.

– Какой требуется экипаж, чтобы управлять этим кораблём? – обеспокоенно спросила я, наблюдая, как мой спутник опускается – нет, не в капитанское кресло, а на место пилота. – Сколько необходимо народу? – принялась более точно формулировать свой вопрос я, в то время как Макнэлл опустил один рычажок и приложил палец к точке на сенсорной панели.

Панель засветилась приятным зеленоватым светом, будто воспрянув к жизни после продолжительного сна.

– По правилам – трое или четверо, – не стал ходить вокруг да около капитан, едва получил возможность оторвать-

ся от сенсорных пластин, рычагов и голографических изображений. – Но в исключительной ситуации, каковая в нашем случае как раз и сложилась, справятся и двое.

– Двое? Это как? – Я была совершенно не готова позволить ему заморочить мне голову. Даже обсуждать такой вариант была не готова: слишком многое зависело от нашей способности – или *неспособности* – управиться с кораблём такого уровня. – Я ведь не космонавт и сомневаюсь, что навыки, полученные в университете во время занятий по теоретической астрономии, позволят мне оказать профессиональную помощь нужного уровня.

– Не переживай. – Судя по тону, каким это было сказано, Макнэлл действительно не переживал по данному конкретному поводу или как минимум считал его наименьшей нашей проблемой. – Я долго работал на кораблях в разных должностях и смогу справиться с самым необходимым. Весь спектр работ мне не охватить, но, скажем, функции пилота и радиста я возьму на себя. Ты сможешь помогать по мелочам там, где это будет необходимо. Если все системы корабля исправны, какое-то время мы так продержимся. Этого будет достаточно для того, что найти тебе подходящую планету, а мне – пару помощников.

Я подозрительно косилась на своего спутника, мысленно прикидывая, насколько крепка его психика и выдержала ли она все тяготы тюремного заточения, пусть непродолжительного, зато, мягко говоря, нелёгкого.

– Подготовка к старту, – отдал команду бортовому компьютеру капитан.

По экрану побежали строки непонятного для меня текста. Я принялась озираться, прикидывая, какое выбрать кресло, чтобы и Макнэллу не мешать, и момент взлёта не пропустить. И тут в левом нижнем углу панели замигало изображение красного прямоугольника.

– Что это? – вскинула голову я.

Капитан выругался сквозь зубы.

– Неполадка одного из двигателей, – сообщил он.

Я застонала, возводя глаза к потолку. Действительно, не могло же всё пройти гладко!

– Сможешь починить? – спросила я, стараясь не дать выхода эмоциям.

– Я не механик, – процедил Макнэлл, тоже, мягко говоря, не обрадованный новыми осложнениями. – Мой отец служил механиком, и некоторое время мы летали на одних кораблях, но...должности были разными.

А сейчас Артур был слишком далеко, а, главное, весьма вероятно, что за ним уже следили. Помочь нам он никак не сможет.

– Ладно, пойду вниз, попробую сделать что смогу, – буркнул капитан, но оптимизма его слова не прибавляли.

Сам он явно не верил, что из этой затеи хоть что-то получится.

Я не разбиралась в механике настолько, что даже не поду-

мала к нему присоединиться. Какой смысл стоять у человека над душой неммым укором? Так что, опустившись в одно из кресел у стены, стала ждать. Впрочем, сидела как на иголках. Минут через пять пересела на место, соседствовавшее с пилотским. Ещё через пять минут окончательно пожалела о том, что не спустилась вниз, и вышла из командного отсека.

Лифтовая платформа, реагирующая то ли на движение, то ли на температуру человеческого тела, плавно поднялась вверх. Я ступила на неё, и вскоре оказалась на первом этаже. Только начала оглядываться, прикидывая, где расположен служебный отсек с двигательной установкой, как обнаружила выходящего оттуда Макнэлла. Вид он имел весьма унылый, что сделало мой последующий вопрос практически бессмысленным.

– Ну, как?

Капитан поморщился и покачал головой.

– Выйдем? – предложил он, кивая в направлении автоматической двери.

Я согласилась. Оказаться на воздухе и увидеть проросшую сквозь покрытие взлётного поля траву было приятно. Хоть чуть-чуть успокаивало. А ведь по-хорошему стоило, наоборот, сильнее напрячься от невозможности незамедлительно покинуть Истерну.

На металлическом столбе, увенчанном какой-то антенной неизвестного мне предназначения, сидела ворона с таким уверенным в себе видом, словно исключительно ради неё эту

конструкцию здесь и воздвигли. Значительно ниже, прислонившись к столбу, стоял, засунув руки в карманы, мальчишка в комбинеzone.

– Мне удалось локализовать неисправность, но лишь приблизительно, – сообщил капитан, рассеянно глядя, как я достаю из кармана куртки сигарету и закуриваю при помощи мини-зажигалки. – В любом случае, толку от этого мало: починить не смогу.

– Ясно. – Я устремила взгляд на проезжавший вдалеке катер, должно быть, готовившийся ко взлёту. А, может, наоборот, только что приземлившийся и направлявшийся теперь к месту парковки. – Будешь? – Я протянула капитану ещё одну сигарету.

– Не курю, – качнул головой он, как мне показалось, неодобрительно.

Бог ты мой, какие же мы правильные!

– Надо искать механика. – Я снова посмотрела вдаль, в сторону катера, но тот, видимо, успел скрыться за чередой ангаров. – В конце концов, это космопорт. Их здесь должно быть хоть пруд пруди.

– Хоть пруд пруди – это да, – невесело согласился Макнэлл. – Вот только работы у них в подобных местах, как правило, масса, так что и ждать приходится по многу часов... А то и не один день. Но искать всё равно придётся.

Я вздохнула, разделяя безрадостный настрой капитана. Стремление к быстрому обслуживанию в нашем случае – не

роскошь, а насущная необходимость. Мы не знали, как далеко продвинулась в расследовании полиция, а, значит, каждая минута могла оказаться решающей. И вынужденное многочасовое ожидание было смерти подобно... Не исключено, что в буквальном смысле.

– Может быть, стоит подогнуть сюда мой катер? – предложила я. – Пусть будет для подстраховки, раз уж никто не сможет в ближайшее время починить неисправность.

– Ну, я, допустим, могу, – с независимым видом произнёс начисто забытый мною мальчишка, отступая от столба и делая несколько шагов в нашем направлении.

Мы с капитаном одновременно повернули к нему головы. Ой, как я заблуждалась! Впрочем, несложно сделать подобную ошибку на расстоянии, когда солнце светит в лицо, а голова занята совершенно другим. Словом, при ближайшем рассмотрении мальчишка оказался девушкой, притом настолько женственной, что сразу же становилось удивительно: как можно было иметь хоть малейшие сомнения касательно её пола? Рабочий комбинезон в стиле унисекс не скрывал пышной фигуры. Не по-мальчишески длинные ресницы обрамляли зелёные глаза, вероятнее всего, хамелеоновские, в данный момент отдающие должное цвету одежды. Чувственные губы чуть пухловаты, но в меру, и точно не накачаны никакой гадостью. Красивый изгиб длинной шеи – и даже мне, невзирая на мою половую принадлежность, обидно, что он заканчивается банальнейшей жёлтой футболкой и

уже упомянутым выше комбинезоном.

Я покосилась на Макнэлла, но тот, похоже, остался равнодушным к внешним характеристикам незнакомки, заинтересовавшись исключительно профессиональными качествами.

– Вы механик? – строго спросил он, будто проводил интервью в отделе кадров.

Причём на работу в этом отделе кадров принимали процентов десять посетителей, не больше.

– Да. – Девушка ответила уверенно и легко выдержала взгляд капитана. Может, слышала наш разговор, а может, просто в силу характера. – С соответствующим образованием.

– Почему же в таком случае вы не завалены работой до поздней ночи? – продолжал допрос Макнэлл.

Я сжала зубы: нет бы сказать спасибо и поскорее приступить к делу! Но, возможно, он был прав: а вдруг эта барышня – не кто иная как полицейская, наспех переодевшаяся в рабочую одежду?

– А потому что на этом спутнике сплошные шовинисты. – Она пожала плечами, стараясь изобразить безразличный вид, но острое недовольство всё равно ощущалось как в движениях, так и во взгляде. – Считают, что женщина хорошим механиком быть не может.

– А вы – хороший механик? – поинтересовался капитан, по-моему, даже с намёком на улыбку.

– Отличный, – убеждённо ответила девушка.

Хочу подчеркнуть: судя по интонации, она не хвасталась, не пыталась произвести впечатление, не доказывала сама себе нечто сомнительное. Просто констатировала факт.

– Ну хорошо, – решил Макнэлл. – Проблема во втором двигателе, из-за неё корабль не готов к полёту. У вас пятнадцать минут, чтобы определить природу неполадки и сообщить, что именно следует предпринять для её устранения, а также сколько времени это займёт. Справитесь?

Девушка-механик лишь фыркнула, после чего нырнула в открытую дверь.

Капитан вошёл следом, удостоверился в том, что специалистка нашла дорогу в нужный отсек, и возвратился ко мне.

– А если она что-нибудь испортит? – нахмурилась я.

– Если полезет куда не надо, корабль даст знать, – объяснил Макнэлл.

– А если куда надо, но сделает что-то не то?

Уж коли поддаваться паранойе, то полноценно.

– То этого мы не определим, даже если будем на пару стоять у неё над душой все четверть часа, – философски ответил капитан.

Я была вынуждена согласиться.

Дальнейшие раздумья на эту тему прервал гудок многофункциональных часов. Успев почти что о них забыть, я на чистом автомате дала сигнал к прочтению новости. И в скорости механический голос полностью завладел моим вниманием.

«Из южноконтинентальной тюрьмы третьей категории сбежал опасный преступник, – информировала пользователь НЗС новостная лента. (Истерна и Митос были подключены к глобальной ново-земской сети). – Согласно анонимному источнику, это беспрецедентное событие стало возможным благодаря сообщнику преступника, внедрившемуся в службу тюремной охраны. Полиция просит граждан сохранять спокойствие и особенно подчёркивает, что преступник уже покинул Новую Землю, поэтому жителям планеты не о чем тревожиться. По имеющейся у служб безопасности информации, в которой у нас нет причин сомневаться, беглецы отправились на один из населённых спутников Новой Земли, воспользовавшись частным космическим катером. Объявлен план-перехват, и в самое ближайшее время они будут взяты под стражу. Следите за нашими новостями».

Часы замолчали, словно кукушка, честно отсчитавшая отпущенный излишне любопытному путнику срок. Мы с Макнэллом тревожно переглянулись, но ни что-либо сказать, ни – тем более – сделать не успели. Наше внимание привлекло движение на тянущейся мимо звездолётов дорожке. Высокий темноволосый мужчина уверенной, но быстрой походкой шагал в направлении нашего корабля. Выглядел брюнет довольно-таки импозантно и производил впечатление преуспевающего делового человека, опаздывающего на важную встречу. Вот только короткий шрам у виска немного не вписывался в общую картину, сбивая с толку.

Капитан сделал пару шагов в сторону мужчины, затем замер, лишь пристально следя за приближением последнего. А я меж тем сообразила, что лицо брюнета не так уж и незнакомо. Где-то я его видела, припомнить бы только, где... Ах, да! В плантернете, когда искала информацию по Макнэллу. На одном из сайтов лежали фотографии членов экипажа «Галалэнда». Определённо, этот человек был среди них.

Незнакомец остановился, немного не дойдя до капитана. Какое-то время они молча смотрели друг на друга. Во взгляде Макнэлла мне виделось сомнение, сродни тому, с каким он следил за мной на катере, держа в руке бластер. Не знаю, что именно подвигло мужчин к действию, но они шагнули навстречу друг другу одновременно. Брюнет первым развёл руки для объятия, и капитан, уже не раздумывая, ответил на этот жест.

– Рад тебя видеть, – как мне показалось, искренне сказал вновь прибывший, похлопав Макнэлла по плечу.

– Я тоже. Какими судьбами ты здесь очутился?

– Предупредить тебя, что отсюда пора убираться. Здесь скоро станет слишком людно.

– Это мы знаем. – Капитан покосился сперва на меня, затем на мои часы. – Но разве ты не должен был улететь на «Галалэнде»?

– Если вкратце – а по-другому сейчас нельзя, – брюнет быстро огляделся по сторонам, – то после идиотского балагана с твоим арестом и приговором я уволился.

Превозмогая отчётливо читавшееся у него на лице удивление, Макнэлл кивнул в сторону двери звездолёта и первым подал нам пример. Терять время было нельзя, и мы, не мешкая, последовали за ним.

– Пробиться к тебе на свидание было нереально, подкупить кого-нибудь из тюрьмы – тоже, – продолжал рассказывать по дороге брюнет. – Мелкие охранники, от которых ни черта не зависит, не в счёт. Но рано или поздно случай должен был подвернуться. Я пообщался с твоими родителями, и было решено: они остаются на Новой Земле, а я устраиваюсь на работу на Истерне, поскольку именно здесь стоит твой корабль.

– А сейчас ты как здесь оказался? – спросил Макнэлл, открывая дверь служебного отсека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.